Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с Иудеем.
Слово восьмое*
(Славянский XIV в. и современный переводы)

На Иудее слово осмо

л. 288 об.

Царь: А еже ниня по семь разумѣвъ Иродь от в'льхвь поругань, гнѣву дас'се, изби в'се сущее въ Вифлеемѣ отроки от двою лѣту и нижайше, — и събыст'се глаголющее Иеремиино пророчество: «Глас въ Рамѣ слышанъ бысть, рыдание и плачь и выпль много: Рахиль плачущи чедѣ своих и не хотѣше утѣшиться, яко не суть». Елма убо, якоже рѣхомъ, Божие слово плоть приемъ, овогда убо божеству обнажаше силу же и господство, якоже егда глаголаше прокаженному: «Хощу, очистисе», и расслабленому: «Възми свой одръ и иди», и мору съ вѣтромъ: «Умлькни, обрътисе», овогда же, еже и истин'нь чловѣкъ быти увѣрити хоте, чловѣчскаго естества немощь показоваше, бѣгает и тогда в Егупть, носещи Его Матери и Иосифу съпослѣдствующу, Иродова ради неистов'ства, — да и въ семь пророческое слово коньц' примет, «От Егупта, — глаголе, — призвах сына моего», — и Исайиное, глаголющу: «Господь съдит на облацѣ лыгѣ», — сирѣчь на руках носимъ есть Дѣвичих, «и придет въ Егупть, и сътресуте в'са рукотвореннаа Егуптскѣ», «И познать будет Господь Егуптѣномъ, и убоетсе Господа въ день онъ», еже убо и бысть, отрочету бо въ Егупть выходешу, в'се иже та//мо бѣсов'ские идолы низвръжени быше. Убо прочее ли елика такова указана мною дивна и паче естества от Адамова зданиа до Христова послѣдовавша рождѣства есть ли въсма на коего-любо от чловѣкѣ възвести?

л. 289

К сень: Никакоже. Многа бо нужда истиннымъ присуждатисе, еда и неистовства грѣх убѣгнемъ, къ сице извѣстнымъ указаниом противлятисе усьрьдствующе.

Царь: Не убо же ни прѣстати же мною чюдешу ти се и о еще оставшим приложеномъ. Зрѣи сего ради, яко да увѣси ни же оно слово имѣе, еже от ненаказаных рѣше нѣции, яко иже Моусеомъ дан'ни Законъ упражняше Христос, их'же дѣе прѣбываше и глаголаше. Гдѣ бо сѣ и непчевати убо праведно есть, идеже и необрѣзание плоти,¹ еже не мнѣтисе безаконьн', по Закону обрѣзасе? Нь сиа убо да оставимъ, добръ бо въ прѣждных намъ видѣно бысть. Обрѣза же се убо не противу жити Закону мнѣтисе хотѣти и показуе, яко Ветхому и Новому тѣ есть начел'никъ и датель.

* Предыдущие семь «слов» см. в 41—47 томах ТОДРЛ.

¹ Как «необрѣзание плоти» переведено *ἀκροβυστία* — «крайнюю плоть».

л. 289 об. По сем' же, тридесети бывъ лѣтомъ, крыщаетсе въ Иордани, — не по онѣх, о нихже рече Исайа: «Измѣтесе, очиститесе, // отимѣте лукав'ства ваша», ни трѣбование имѣ Самъ крещениу, чисть сѣ въсь и сквърны в'саке выш'ши, нь да Новы дасть завѣт, иже Исаемъ языкомъ обѣща. О семь убо крещенїи и пророкъ глаголаше Иезекииль: «Господь рече къ мнѣ: вода сиа, идущиа въ Галилеу, осветить воды, и будеть в'сака душа, на ноже убо найдет вода сиа, жива будеть и спасетсе». «Се бо яко лъвь въздет от срѣды Иордана».

Отсуду же яже о царствии Божїи учити Иудее начело сътвори, вещьше много иже посрѣдѣ повинующимсе законнымъ обѣщавае блага. Тамо убо послушающимъ благаа земли на снѣдение лежима быти обѣщаваеть Богъ пророкомъ, гобзование явѣ яко плодомъ, вина же и масла, и кравиа масла обылие, и стадамъ множества, и побѣды врагомъ, и такова друга, Христосъ же грѣхомъ отпущение и побѣды поставити на диавола вѣровавшимъ въ Нь обѣщасе и живот, — не яков' же zde живемъ, иже заеже от прѣслушания грѣха съмрътиу и тлениемъ раздрушаетсе, нь аггел'скыи и бесъмрътныи и ниединою съмрътиу скончаемъ.

л. 290 К сень: Како убо, аще сиа истины дръжетсе, съмръть от оного и до zde на всѣхъ хвалитсе и т'мами в'сегда съдѣлова//еть чловѣкомъ?

Царь: Съмръти убо съмрътиу² повинну быти Адаму и им'же от оного, добре мню тебѣ вѣдѣти сѣ, не убо же, нь ни въскресеи сумнѣтисе, фарисеа же суца. Прочее понеже инаа образно и низврѣженно разумѣете, николико убо от писма отступающе, сих бо ради и еже о въскресеи слово скудно вамъ мнѣ приимати и не якоже подобает. Въскреснути убо в'сѣмъ разумѣете, а иже от оного — аще и пакы умрут, аще в'сегда живи будуть — ни же въ вѣсте, ни же отци ваши. Како бо иже в'сѣхъ жизнь, Христа, погубише? Вѣждь убо удобно быти небу и земли единѣмъ от чловѣкѣ испиену быти, нежели съмръти дръжати чловѣкы отнели же Христосъ въ адѣ бывъ, дръжаву убо оного низложи, нетлѣние же и бесъмрътие вмѣсто тлѣния намъ и съмръти дасть. А иже въ нас сиа обносимъ съмръть сънь нѣкий убо вмѣняетсе имущимъ разумъ, аще и от сее дльжайша есть обычныи. Елма убо Христосъ въ свое в'торое пришьствие, въ неже и силамъ подвигнутисе рѣхомъ небеснымъ, бесконьчнующую и неразориму съмрътиу жизнь даровати хошет в'сѣмъ, какъ убо истаа насто//ещаа сиа вмѣнитсе съмръть, еуже удобнѣйше съна в'сакого отрынути хошемъ?

Такову прочее Христосъ жизнь обѣщавсе дати, пицам' же и одѣяниемъ ниединого въсма наказоваше творити слово, правду же гонити и светиню елика сила, другаа же вѣровати приети и непросещимъ от промыслѣнѣйшаго в'сѣхъ Отца и Бога, яко Тому же добръ вѣдушу их'же трѣбуемъ.

л. 291 Зри же да не, тридесеть лѣтъ бывше прѣжде Христа слышавъ таже учити, невъзможно быти сѣ дѣяти помыслиши прѣжде сего, понеже нѣсть се, нѣсть: ни бо прѣспѣваниу, якоже нѣции непщеваше от несмыслѣныхъ еретикѣ, светѣйшии или мудрѣйшии бысть, нь сие абие рожьдсе, съврѣшенъ имѣаше чловѣчь разумъ, якоже и егда учити начет и ниня: от самого бо божеств'наго зачетиа еже по всему съврѣшеное приет крайнимъ божеств'наго със'тава Его съ душею и тѣломъ съединениемъ. Никакоже прочее не заеже несъврѣшенъ быти не учаше прѣжде лѣта будуть тридесете, нь яко убо да не нѣкаа лъжа многымъ възьмнитсе и мѣчтаніе сѣ паче или истиною творе. Паче же и незатикаемъ вашихъ отецъ заграждае уста, да не мѣсто досадамъ на нь приимут, яко прѣжде // подобнѣго врѣмене приходити дръзостиу и грдынею еже учити наложену.

² В оригинале вместо «съмрътиу» — *διὰ τῆν ἁμαρτίαν* — «за грех».

К сень: Ниединому же от иже от вѣка чловѣкъ, о цару, паче тысуща лѣт пожив'шу, како вѣ Месиу, четыристомъ близъ юже и тысущам прѣшъдѣшимъ лѣтом, еще жити непшуете? Невъзможно бо есть. Аще ли же умрѣти речете, лѣжа пакы будетъ явлена самому быти Месии. Ни же бо Илия прииде, егоже рѣше того рождѣшасе помазати.

Царь: «Блудите, — Ксеню, — не вѣдуще Писания, ни силы Божие». Прийти бо иматъ Фезъвитѣнинъ Илия и глаголетсе и вѣруетсе не въ еже убо помазати Господа. Нъ понеже уготовано есть нѣкоторому родитисе скврнну чловѣку от рода, якоже рѣше нѣции, еврейска, в'сье съ себѣ приемшу диаволе дѣйство и творити тѣмъ знамениа велиа и чудеса, Бога себе и Христа именующа, яко убо не тѣкмо многих от тогда сущихъ прѣльститисе христианомъ, нъ и оставшаа мала честь языка иудейскаго прѣльсти антихристовѣ съотвестисе, приити рѣше тогда Илия и Енох, послани от Бога, утробу щедротъ приемшу, научити же и обрати//ти иных же и убо и окаянни еврейскы языкъ въ Христову вѣру, тожде же рещи Светые Троице, да не в'се от диавола пожръто будет. Аще бо и еже за Христа убийство врагы себе съдѣлаше Богу и Еуаггелиу, нъ любими суть за еже къ отцемъ ихъ любви Божие. Их'же убо вѣсть божеств'ни промысль не-обращено имущихъ къ покаянию остави, а ихже юже божеств'ную еуаггел'ску проповѣдь благоразумно приемшихъ не прѣзрѣ.

л. 291 об.

Тогда убо събудет'се глаголющее пророчество Исайино: «Аще будетъ число сыновъ Израилевъ паче пѣска мор'скаго, останькъ Израилевъ спасетсе». Сих бо ради Илия от Бога посланъ будетъ тогда, не, якоже вѣи мните, помазае Месиу, еже таковаа словомъ лгати ненаученыхъ есть, якоже рекъ глаголахъ,³ и Писаниу вьсма ненаученымъ.

Христос же, поемуже Богъ, и на небеси, и на земли есть, и повьсуду, и паче в'сего. «Небо же и землю Азь испльняю», — глаголетъ Господь. А поемуже чловѣкъ, ни же тысуща лѣт поживе, ни же zde, рекше на земли, есть. Поживе убо паче тридесете лѣт, распет' же бывъ от злбнѣйшихъ отецъ ваших, умрѣтъ, и святое убо Его тѣло положено бысть въ гробѣ, тлѣние убо приемшу, не растлѣ//ние же. Божеств'нѣи же съставъ, неразлучнѣ съ въсприетимъ съединяемъ, съниде въ адъ съ божеств'ною душею, в'сѣхъ убо от врѣменныхъ узъ свобожѣдши, въскрѣсив'ши же съ властиу божеств'ною тѣло, еже въсприет, тлѣние юже и съмрѣтъ отложъ, нетлѣние же и бесъмрѣтие облѣк'се.

л. 292

Христос бо убо сице триднев'нъ въскрѣси, Адама от узѣ раздрѣшъ и прѣжднее прѣбывание, раи, тому давъ, остав'шимъ ученикомъ единадесетѣмъ съпрѣбывае, Иуда бо шѣдъ въ неже мѣсто пророци рѣше, въ муку явѣ яко бесконьчную, по днѣхъ четыридесетъ иже из мрѣтвыхъ въскресения възнесесе на небеса, в'сѣмъ Того ученикомъ купно съ Прѣсвятою Материу съпрѣбывающимъ же и зрещимъ. И ниня есть на небеси, Богу и Отцу съсѣде и съпоклоняемъ от в'сакаго небеснаго священноначелиа, якоже убо и явленнѣйше слово, путемъ проходе, сътворит.

К сень: Сладко аз' же в'са послушати ми, цару. Прѣз'естеств'на бо нѣкаа и странна въ мое вложилъ еси слухы, и разумѣти хошу добрѣ, аще сице сиа имуть.

Царь: Вся тебѣ по силѣ аз' же я'влена покушусе положити. Ниня же на она пакы да приидемъ, // откуда же твое слово нас отвратитисе сътвори. И бо юже и коньць пророчьскаа в'са приемлют.

л. 292 об.

Рече убо от лица Давыдова Христос въ тридесетъ и деветомъ псалмѣ: «Жрѣтву и приношения не въсхотѣ, тѣло же съврѣшили еси о мнѣ. В'сесь-

³ В оригинале: ἵππων γὰρ εἰρηκὸς ἔρθῃ — «как я сказал ранее».

жежения и о грѣсѣ не възыскаль еси. Тогда рѣх: се прииду, въ свитѣцѣ книжнѣ пишеть о мнѣ; сътворити волю Твою, Боже мой, възхотѣх, и законъ Твой посрѣдѣ чрѣва моего, благовѣстих правду въ церкви велицѣх.

Сматрай, како и Давыдъ zde жрѣтвамъ убо и в'сесьжежениию раздрущение, Новому же Завѣту введеице и дрѣзновение назнаменуеть: еже бо рещи «Жрѣтву и приношения не възхотѣхъ» и пакы «в'сесьжежения и о грѣсѣ не възыска», — жрѣтвамъ раздрущение и тѣхъ отвращение Божие явѣ показа, въ томъ же рещи «тѣло же съврѣшили еси о мнѣ» Новаго Завѣта таинство. Еже глаголетъ сѣ есть таково: «Иудейскыя убо жрѣтвы и в'сесьжежения ненавидима Тебѣ вѣмѣняются и мръска; въ тѣло же, еже съврѣшили еси Мнѣ, съврѣшается Твоя божеств'на воля; сирѣчь плоть, юже о всѣхъ спасеній приель еси, сиа и о нихъ жретсе, якоже въ свитѣцѣ книжнѣ, сирѣчь въ пророческихъ словесѣхъ, пи//шетсе о Мнѣ». По сихъ же, и еже учениа Его божеств'ное и высоко назнаменуе, «Благовѣстихъ, — рече, — правду въ церкви велицѣхъ».

л. 293

Еще Исая «Отроче родися, — рече, — намъ, сынъ, и дас'се намъ»; и Иеремиа: «Съ Богъ нашъ, не вѣмѣнитсе инъ къ Нему. По сихъ на земли явесе и съ чловѣкы поживе». И прѣмудрѣ Соломонъ «И ниня, Господи, — рече, — Боже Израилевъ, да увѣритсе ниня глаголь Твой Давыду, отцу моему! Аще вѣистину поживетъ Богъ съ чловѣкы на земли?», «И чловѣкъ есть, и кто познаетъ его?» Еще блажены Давыдъ «Господь, — рече, — явѣ приидетъ, Богъ нашъ, и не прѣмльчить». И пакы: «Явитсе Богъ богомъ въ Сионѣ»; и въ иныхъ: «Богъ Господь и явесе намъ», «Благословень гредѣй въ име Господне».

Кто убо усумнитсе не Богочловѣка Слова явѣ в'сѣми сими проповѣдаема быти? Никтоже, мню, развѣ аще кто суетень вѣсма и пророческимъ ненаучень словесемъ обличатисе хочеть, и по вашихъ отецъ неразумнѣйши, иже Сына Божиа и Слова — Чловѣка, по божеств'ныхъ пророческихъ проречений быв'ша, подобаше съ радостию под'ети и въ сытость животочныхъ и божеств'ныхъ Его словесъ причеститисе, не тъкмо сѣ не сътворише, нь и, завистию бѣсешесе, бес'чловѣчнѣйшѣ Сего погубише, лукава, по Давыду, въздавше вѣместо их'//же дасть тѣмъ благѣхъ, слѣпце бо ихъ просвѣщае, раслабленыхъ же стезеа, прокаженные же очищае и мрѣтвыя вскрѣщае, якоже от сна, и небесное царство, от в'сѣхъ вещьше, обѣщае, вѣместо еже люблену быти облыганъ бысть и зла въз'блага восприет. «Врази бо Мои, — рече Давыдъ, — рѣше злѣ Мнѣ: когда умретъ и погыбнетъ име Его?», «О Мнѣ глумляхусе съдещей въ вратѣхъ, и о Мнѣ пояху пиущей вино».

л. 293 об.

Обаче нь овъ убо толика и толика сътворивъ въ нихъ, не якоже пророци, раби бывше, нь яко Богъ, область имѣе, яко неразумныхъ зрѣше, и по ничесому болше от пасущихсе прилежущимъ, ни же пророческихъ разумѣвше словесъ, ни же от прѣзвестеств'ныхъ дѣлѣ къ Оному разуму ввводимыхъ, радоватисе попустивъ, коньць тыщашесе приложити их'же о Немъ прореченымъ. Съ ученикы убо възходе от Галилее въ Иерусалимъ, «Се, — рече, — възходимъ въ Иерусалимъ, и Сынъ Чловѣчъ прѣданъ будетъ архиереомъ и книжникомъ, и прѣдадутъ Его языкомъ, и уранеть и, поругаютсе Ему, и заплюютъ и, и убьютъ его, и въ третій день възкреснетъ». Пристрашни убо бывше ученици от таковыхъ словесъ, съпслѣд//ствоваху до нѣчесого на съмрѣть идущу Учителю.

л. 294

Близъ же бывъ Иерусалима, посла два от ученикы Своихъ, и приведохе Ему осле, на немъ же възсѣдъ, вниде въ градъ, от всѣхъ убо и в'саками похвалами възпѣваемъ, изреднѣе же от безлобивыхъ еще дѣтѣй. Чрѣдно бо в'са и прѣдидуше, и обходеще, и послѣдующе, их'же дрѣжаху въ рукахъ вѣтви стресающе, «Благословень, — зваху, — гредѣй въ име Господне, осана въ вышнихъ, царь Израилевъ, миръ на небеси и слава въ вышнихъ». Сѣ еже

и въ божеств'нѣмъ Его рождѣствѣ от аггелъ проповѣдаемо бѣ. Коньць убо Давыдово приемаше тогда еже: «Изь усть младенць' и с'сущихъ свършили еси хвалу». Емуже бо отци завидѣху, сего дѣти воспѣваху. Еще же и Иаковово, «Привезуе, — глаголюшу, — къ лозѣ осле свое и⁴ жрѣбе ослете своего»; съ сими же и Захариино, «Радуйсе зѣло, — глаголюшу, — дѣщи Сиона, проповѣдуй, дѣщи Иерусалимова: се царь твоѣ гредеть тебѣ, правед'ни спасаетъ самъ, кротокъ и въседь на под'яръмника и жр'бца юна, и потрѣбитъ оружиа изъ Ефрема и коня изъ Иерусалима». Се бо бѣ назнаменуемо, яко Христосъ в'се езыкомъ бесловесие очиститъ // и злопокоривое ихъ и неудобьповинное крестомъ и смъртиу прѣложитъ и чьсть, юже, имуще, отрунухомъ, о нейже и Давыдъ рече, яко: «Чловѣкъ, въ чьсти сѣ, не разумѣ, приложисе скотомъ несмыслынымъ и уподобисе имъ», — наплнивь, порадуется о погнѣ'шихъ' и къ прьвому достояниу устроить.

л. 294 об.

Симъ убо бывшимъ, вечеру уготовавъ, о нейже ниня по чести нѣсть врѣме глаголати, възлежаше бо съ ученикы и съядѣваше. Посрѣдѣ же вечера: «Единъ отъ васъ⁵ прѣдасть мѣ; Азъ бо васъ избра дванадесетыхъ, нь единъ отъ васъ диаволь бытъ». О немъ же и въ иныхъ рече, яко: «Нужда есть приити съблазномъ, горе же чловѣку, имъ же съблазнь приходитъ».

Ксень: Аще, якоже рекль еси, о царю, диаволь отъ нихъ единъ сѣ, подобаше убо ни избрати сего отначела, ни же приложитисе.

Царь: Суть убо, о Ксеню, много подобнѣ убо изглашаема, тогожде не имуще ума присно. Сирѣчь глаголетсе убо и в'сее твари Съдѣтель Богъ всѣхъ и богъ фараоновъ; глаголетъ же се и Моси богъ фараоновъ. Нь аще и еже Богъ имену приобщаются другъ другу Богъ и Моси, нь вещию же въсма растоетсе: овъ убо естествомъ и истин'нь есть Богъ, Моси же по благодати. И ина у//бо тмами кто убо обрѣщетъ такова, длъгости ради ниня прѣзыраема. Прочее, по сихъ же и Иудѣ, и инѣмъ отъ апостоль обще убо се ниня бысть избраниу име, много же различное въ другъ друга, аще кто за иже сии убо и онъ избрани быше помышляетъ. Овъ убо якоже нѣкые съсуды честныя и светие и Новаго Завѣта служители Учителю и Богу приети быше, Иуда же устрашение нѣкое бывъ послѣднимъ. Елма бо обѣщано бѣ датисе иже Богу угодившимъ послѣди велика нѣкаа дарованна отъ Бога и прѣзестест'вна, да не о исправленияхъ велехвалетсе, съвъсприетъ Христосъ съ прочими отъ апостоль и Иуду, въды убо злобное его и прѣзѣл'ное и невѣриа, — како бо нѣ, Богъ сѣ и всѣхъ испитае срьдѣца? — нь сиче въсхотѣвъ, яко убо Иудова падения ужасное иже по добродѣтели прѣспѣвающеи въсилающе,⁶ и яко произволител'ное и самовластное чловѣчьское имѣе естество удобнѣ къ обоимъ — добродѣтель реку и злобу — носитсе не помагаемо отъ Бога, не себѣ, нь Богови и Сего пособиемъ и силою в'се възлагающе, да не велемудръствуютъ, оного имуще въ у//мѣ, како, апостоль сѣ и светъ и чудесемъ силу имѣе, в'се супротивное отъ неразумна бысть и невниманна, сирѣчь врагъ вмѣсто друга, и вмѣсто ученика прѣдатель, и вмѣсто света грѣшникъ. Сихъ ради убо и еже отъ Господа реченое, сирѣчь еже: «Азъ вы избрахъ», буди убо по речениу произнесения обще Иуды и инѣмъ отъ апостоль, по уму же не обще.

л. 295

л. 295 об.

Сьматрай же, да не о апостолѣхъ рещи мѣ възъмниши сѣ, еже рѣхъ, явѣ яко устрашение тѣмъ бывшему Иудѣ избранну быти отъ Христа, елма не о нихъ рѣхъ, нь о ихъ же послѣди по добродѣтели различно просиав'шихъ

⁴ Не переведено τῆ ἕλι — «к лозе».

⁵ В оригинале здесь следует слово φησὶν — «рече».

⁶ В оригинале: ἀναμνησκόντες — «вспоминающие», «вспоминая». Переводчик же перевел слово ἀναμνησκόντες.

святиих мужѣ. Вещ'ши бо от всѣх чловѣкѣ от Христа Захариинь сынъ Иоаннь, иже Сего крестивы, иже и Прѣдтеча, заеже прѣдтеши и провъзвѣстити Сего, именованъ и апостоли свѣдѣтел'ствовани быше. Прѣсвѣтую же Дѣвицу достоить изымати от глаголемых, яко выш'шу без' расуждения в'сѣх чловѣкѣ естеству.

Паче же и страх въ началѣ убо въ апостолѣх имѣаше мѣсто, о концу же никакоже, егда явѣ яко къ нимъ Господь глаголаше: «Не ктому рабы глаголю вас, яко рабѣ не вѣсть, что творитъ господь его, вас же рѣхъ други, яко в'са сказахъ вамъ»./

л. 296 Вѣждь же убо двои быти страх: инь убо есть иже къ добродѣтели въводимыхъ паче о своихъ грѣсѣхъ страх, о нем' же и Соломонь рече: «Зачело прѣмудрости страхъ Господень», — и инь, — съврѣшенныхъ, божеств'ны нѣкы явѣ яко и яковъ атгел'скы, их' же видѣ Исая крыл'ми лица страхомъ закрывающе. Таковому убо страху сугубо и Давыдъ раздѣляе, «Работайте, — рече, — Господеву съ страхомъ», въводимыхъ, якоже рѣхомъ, назнаменуе, «и радуйтесе Ему съ трепетомъ», съврѣшенныхъ являе; и въ инихъ: «Страхъ Господень чистъ, прѣбывае въ вѣкы вѣка».

О нихже убо, прочее, их' же избрания ради недоумѣлсе еси Иудова, сиа тебѣ по силѣ отвѣщаемъ; зрѣ же, како и в'са инѣ по коемуждо прѣдречена быше от пророкъ. Давыдъ бо убо абие неразумиа прѣзъл'ное прѣдавшему Его ученику являе и како на Учителя вѣста, закона в'сакого любве наругавсе, «Чловѣкѣ, — рече, — мира моего, на н' же уповахъ, ядѣ хлѣбы мое, възвеличиль есть на ме ковь», «Постави на нь грѣшника, и диаволь да станетъ одесную его. Вьнегда судити ему, да изыдетъ осуждень, и молитва его буди в грѣхъ. Да будутъ днии его мали, и епископ'ство // его прѣметъ инь»; «Възлюби клевету, и придетъ ему, и не въсхотѣ благословение, и удалитсе от него».

л. 296 об. Съ сего ради Иуда, въселника имѣе въ себѣ диавола, иже по ономъ убийцамъ архиереомъ и книжникомъ приступивъ, о прѣданѣи общесѣдоваше Учителя. Онѣ же сребрники тому тридесетъ обѣщаше дати, аще сего тѣмъ прѣдасть, — да и Иеремииное коньць о семь прииметь, «Поставише, — глаголющу, — тридесетъ сребрникъ цѣну Цѣнен'наго, Егоже цѣнише от сыновъ Израилевъ». Сими убо окаянны Иуда от любоимѣнѣи етъ бывъ, чету нѣкую приемь, ети шьдѣ льстиу Исуса.

Прииде же въ еже тѣи обыклъ бѣ мѣстѣ купно съ ученики творити хождения. Христосъ же, и прѣжде даже тѣмъ приити, «Встанѣте, идѣмъ», — ученикомъ глаголаше, иже къ еже о всѣхъ съмрѣти усрѣдное его и въ сие являе и яко волею страсть под'емлетъ. Якоже убо и въ инихъ «Власть, — глаголаше, — имамъ положить душу мою, и власть имамъ пакы възети ю». Дивнихъ убо тогда звѣрѣи онѣхъ приходещихъ видѣвъ. «Кого, — рече, — ищите?». Онѣ же рѣше: «Исуса Назореа». Он' же: «Азь есмь», — рече, и в'си абие ниць падоше. Мало же Сему прошьдѣшу, пакы вѣсташе, и Исус пакы «Аще // Мене, — рече, — ищите, оставите сихъ ити», — ученики глаголе, им' же ниня по семь страхомъ от разбойникѣ убѣжав'шимъ.

л. 297 Исусъ себе волею прѣдавъ, идѣаше по ничесому къ мужеубийцамъ онѣмъ, противесе влѣчениомъ, «Прѣдан' бо быхъ, — рече Давыдъ от лица Христова, — и не исхождахъ», явѣ яко: толику дръжаву имѣе и господство, яко словомъ единѣмъ гонещихъ раздрушити, не быхъ убо от «ненавидещихъ Ме» етъ былъ, аще не волею о в'сѣхъ спасениу еже страдати изволилъ быхъ.

Единъ убо от ученикъ, ревностиу испльн'се, единого от непрѣподобныхъ онѣхъ служещимъ ножемъ ударивъ, урѣза ему ухо. Христосъ же вѣсма без'гнѣвное похваливъ повѣсуду и научивъ, уязвленому и тогда отрезаны удѣ устрои, уязвив'шому же тежко запрѣтивъ, «Възврати, — рече, — ножь свой въ мѣсто его; в'си бо приемшеи ножь ножемъ умрутъ. Убо мниши ли, яко не могу умолити

Отца Моего и прѣдставит' Ми множае неже дванадесете легеонъ агтель?», — како убо, аще се будетъ явѣ яко, събудутсе Писания? Подобает' бо в'сѣмъ коньцѣ приети. Се бо прочее еже мощи явѣ // яко рещи умолити Отца яко чловѣкъ рече, елма же яко Богъ в'сѣх агтель, в'сѣх небесныхъ силъ имать служещихъ и съ трепетомъ работающихъ повелѣнию. В'сѣмъ же приемшимъ ножъ ножемъ рече умрѣти, купно же поучае насъ подобнымъ Того быти незлобию, образы оногo дѣланиа имущихъ и прѣд очима присно полагающимъ сиа, купно же и прѣдглаголати иже обѣти хотещихъ Иудеанъ неисцѣльные скръби постѣди, абие въпие намъ симъ, яко вси, иже Мене убившеи, убийствомъ дѣло и тии по-малѣ будутъ, — сѣ, еже по-мале случисе и не погрѣши, в'си бо рымлян'скому ножу быше погубление.

л. 297 об.

Зрѣи же, како ничтоже отъ еже о Немъ пророкомъ в'сѣмъ реченнымъ недѣйствьно прѣбысть. Оставльше ученици Сего, яко отъ убилицъ онѣхъ етъ бывъ, разыдошесе инь инамо, — и събыстсе пророчьство, глаголющее: «Поражу пастира, и разыдутсе овце пастви». Отведень бысть свезанъ въ дворъ архиереевъ, глаголемаго Каиафа, и оттуду къ Пилату, и, об'ступльше Его, слуги бияху же по главѣ и ругахусе, в'сакъ видъ укоризни и поруганиа съдѣвающе, — и коньцѣ прие//тъ Давыдово, «Обыдоша Ме, — глаголющу, — псѣ мнозы», «юнци гучнии обѣше Ме», «поношениа поносемимъ Те нападоше на Ме», «умножисесе паче власѣ главы Моее ненавидещей Ме туне, укрѣписесе вразы Мои згонещей Ме бес правды». Посланъ бысть укорень къ Ироду отъ Пилата въ Иерусалимъ сущу, — и паки Давыдово съврѣшашесе: «Въскую шаташесе езыци, и людие поучисесе тыщетнымъ? Прѣдсташе царие земльсци», Иродъ явѣ и Пилатъ съ архиереи и люд'мы, «на Господа и на Христа Его», глаголюще: «Растрьгнѣмъ узы ихъ и отврѣзмъ отъ насъ иго ихъ». Къи хъ? Богу явѣ яко и чловѣку, егоже Богъ въсприетъ. Нъ «Живѣи на небесехъ посмѣтесе имъ, и Господъ поругаетсе имъ. Тогда възглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ и яростию Своею съмутитъ е: Азъ же», — рече Христосъ, — «поставлень есмь царь отъ Него надъ Сиономъ, горою светою Его», — рекъше въ самѣ же Иерусалимъ, еже и сице именуемъ Сионъ, и въ церкви ветхой же Иудейской и новой сей езычской, «възвѣщае», рекше проповѣдае, уче, «повѣление Господнѣ». Таже наводитъ: «Господь рече къ Мнѣ: Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Те», — чловѣка глаголе, егоже Сынъ Божий въсприетъ и Слово, заеже «день» врѣменное чловѣчеству назанеане. «Проси // отъ Мене, и дамъ ти езыки достояние Твое и одрѣжаніе Твое конци земли», — еже и бысть, прѣдстоит' бо зрѣти подслньчную в'су божеств'ное иго еуаггел'ское влѣкущу.

л. 298

л. 298 об.

Таже будущаа Иудеомъ найти люта и скръбемъ прѣзл'ное и неизбѣжное проявляе, «Упасеши е», рече, «палицею желѣзною», сирѣчь прѣзл'ною и непобѣдимою силою, «яко съсуды скудѣлниче съкрушиши е», сирѣчь сице в'сѣхъ растлиши, яко ниедино упование прочее прѣждняго наслѣдіа и устроения тѣмъ имѣти. Такови бо скуделные съсуды неисцѣлныи всма по съкрушеніи и ничтоже по сихъ потрѣбное подающе, отъ иные кое-либо рудные вещи и по съкрушеніи възваратисе могущимъ и наздаватисе в'сачьскы устрояемымъ и ничтоже мнѣше, нежели прѣжде, потрѣбу подающимъ. Яже ниня убо глаголахомъ, в'секоньчное симъ погубление подписуе, «Яко съсуды скудѣлниче», — рече, — «съкрушиши е», — купно явѣ яко растлиши.

Иуда убо прочее по еже прѣдати Благодѣтеля и Учителя, разумѣвъ, въ колика зла того сребролюбиа принесе желание, себѣ же зазрѣвъ, паче же // отъ крайняго отчаявше уныниа, чловѣколюбнѣйшому убо не приступи Христу, ни же обльччити толику дрзость и покаянне искуси, нъ шдѣ къ архиереемъ и сѣ рекъ тъкмо еже: «Сгрѣшихъ, прѣдавъ кровь неповин'ну», — поврѣже убо еже възети сребро тыщашесе, шдѣ же оттуду, удависе. Архиереи еже оному убо ни же слово подаше, нъ: «Что естъ намъ? — рекше, — тѣ

л. 299

узриши», — възеше же сребрьники и купише от нихъ, съвъщав'ше, село скудѣлнице въ погребение стран'нымъ, неподобно възьмнѣв'ше пакы въ корванъ вложить сих, понеже цѣна крове бѣху. Коньць убо зде приеть и Иеремииное, «Поставише, — глаголющу, — тридесеть сребрьникъ цѣну Цѣненнаго, Егоже цѣнише от сыновъ Израилевъ, и даше сие на селѣ скудѣлници, якоже сказа мнѣ Господь». Еще же и Захарииное, «Аще добро прѣд вами есть, — глаголющу, — дадите мзду Мою, юже отрекосте. И поставише мзду Мою тридесеть сребрьникъ. И рече Господь къ мнѣ: вложи ихъ въ грънило и смотри, аще искусно есть, имже образомъ искушень бых о них. И приех

л. 299 об.

тридесет сребрьникъ, и вложих въ домъ Господень въ // грънило». Приидоше по семъ лжепророци,⁷ свѣдѣтел'ствующе на нь, — и рече Давыдъ: «Въсташе на Ме свѣдѣтелие неправедни: яже не вѣдѣхъ выпрашаху Ме, въздающе ми злѣ въз блага». Прѣданъ Пилатомъ воинномъ на пропетие, в'сакъ убо видъ поруганиа под'емлет; съвлачаемъ же от ризъ; их'же воины, възьм'ше, сих убо въ другъ друга раздѣлише, одежду же Его растрьгнути убо не покусишесе не якова же бѣ, изьткана бо бѣ от вышнихъ странъ пов'сему, жрѣби же метаху о ней кому будетъ, — и съврѣшашесе Давыдово, «Раздѣлише ризи Мое, — глаголющу, — себѣ, и о иматизмѣ Моемъ меташе жрѣби». Облѣченъ бысть посемъ въ рызу досаждения, — и рече тъжде Давыдъ: «Аз' же, вьнегда тѣмъ стужати Ми, облачахсе въ врѣтище». Раны прѣтрѣпѣ, и заблюваниа, и заушения, — и рече Иеремиа: «Аз' же не повинуюсе, ни же супротивъ глаголю, плещи Мое дах на раны и ланитѣ Мои на заушения, лице же Мое не отвратих от студа заплюваний, и Господь помощникъ Ми бысть, сего ради не устидѣх'се, нь положих лице Мое, яко тврѣдъ камень, // и познах, яко не постиждусе». Отведенъ бысть распет быти, — и рече Исайа: «Яко овче на заколение ведень бысть, и яко агньць прѣмо стригушому Его безгласнь, сиче не отврѣзаетъ уста Своа. Въ смѣреней Его судъ Его възетсе. Родъ же Его кто повѣсть? Яко въземлетсе от земли живот Его».

л. 300

Овчете сего ради и агньцу незлобиву невъзглашающую Сего уподобия, незлобное Его и къ чести мѣра намъ кроткое и длготрѣпѣливое прѣдставляе. В'сакые бо имѣе пустити на нихъ стрѣлы, или и земли повелѣти разступитисе и пожрѣти ихъ, сѣ убо не сътвори, молитвами же паче неистовное ихъ и убийств'ное измѣняше, «Отпусти имъ, — глаголе, — грѣхъ, Господи».

Родъ же Его никому не мощи повѣдати рече не мир'скый и чловѣчскы, явленъ бо в'сѣмъ бѣше по сему, Авраамовъ убо и Иудовъ, къ симъ же Давыдовъ и исчедиу тѣхъ Приснодѣвны Мариѣ сѣ сынъ, — нь божест'в'ны, иже непостижимъ есть в'сѣмъ и несказанъ, якоже и Отцу и Прѣсветому Духу.

л. 300 об.

К сень: Варивъ, рекль еси, о цару, о распинающихъ Его Отца молити. Что когда убо аще Богъ тѣ бѣ, я//коже ниня указати покушаешесе, не по власти отпушаше съгрѣшение распинающимъ, нь Отцу моляшесе. Аще ли же яко Бога убо не речеши, нь яко чловѣка молитисе, что юже абие не имѣаше прѣкланяющасе Бога молитвамъ, нь въ толикихъ злѣ убийце выпадше, еще и ниня, якоже глаголеши, бес'чловѣчиа томление истезаютсе?

Царь: Мнѣ тебѣ въ памете имѣти, якоже въ прѣждныхъ словесѣ овогда убо яко чловѣка, овогда же яко Бога глаголахомъ дѣйствовати Христа. И яко Бога убо — егда прокаженному глаголаше: «Хошу, очистисе», — и расслабленному: «Възми одръ свой и иди въ домъ твой», — блудници же пакы: «Отпушуютсе грѣси твои», — и такова инаа. Якоже чловѣка — егда от Ирода бѣжаше, и боаше, и страшаше, и мимоити моляшесе съмрътной чаши. Егда убо и о распинающихъ моляшесе, яко чловѣкъ сѣ твораше, ибо подобаше безгнѣвиу суца инѣмъ учителя паче в'сѣхъ Тому сѣ проходити и образъ

⁷ В оригинале: *pseudomartures* — лжесвидетели.

инѣмъ быти. Прочее, помолитесе убо яко чловѣкъ благъ и страсти в'сакое выш'ши.

Нъ якоже камень, от кого-либо врьжень, тврѣдо нѣкое срѣтъ, къ пустив'шому паку подобнѣ възвратисе, тѣм'же образомъ и молитва она // къ помолитвомусе възвратисе, елма же мѣста убо покаяния въ онѣхъ не обрѣте, сръдца же камене и желѣза в'сакого тврѣдѣйша, «Молитва бо Моа, — рече Давыдъ, — въ нѣдра Моа възвратитесе». Чловѣколюбив' бо бываетъ Богъ иже по Ниневитѣныхъ кающимсе, прѣбывающим' же въ злобѣ Судиа страш'нь есть и зѣло напрасно наносе томление, яковъ потопленнымъ и содомлянномъ бысть прѣжде, и вашимъ отцемъ послѣжде, в'сакъ видъ скрѣби тѣмъ наведъ, и вас, иже онѣхъ исчедиа, в'сѣмъ игралице показавъ. Сиа убо прочее о их'же выпрашаше. Сматраѣ же паку и инѣхъ пророчѣствий послѣдование.

л. 301

Пригвождень бысть на крестѣ рукама, — и рече Давыдъ: «Ископаше руцѣ мои и нозѣ мои».

Даше Ему пити оцѣтъ, смѣшен съ жльчиу, — и паку тѣжде Давыдъ: «Даше въ смѣду Мою жльчь, и въ жежду Мою напоише Ме оцта».

Въ ребра прободаемъ бѣ копиемъ, — и рече Захариа: «Взреть на Ме, въ Негоже прободоше».

Тма доволна въ дне вьсуду проливашесе, — и тѣжде паку Захариа рече: «И день онъ вѣдомъ Господеви, и не день, а не ношь, и къ вечеру будетъ свѣтъ, и будетъ Господь въ цара по в'сей земли, и въ день онъ будетъ Господь единъ, и име Его едино». И Амос: «И будетъ // в день онъ, глаголетъ Господь, заидеть солнце въ полудне, и помрѣкнетъ въ дне свѣтъ». И Иеремиа: «Заиде солнце въ полудне».

л. 301 об.

Зри сего ради вещь трепета испльнь и многа чудесе: четырнадесетна бо сущи тогда луна и от солнца по растоянью отстоещи, прѣтче убо от поновления солнце, отложи же сѣ въ полудне свѣтъ вьсма, мрак' же толикъ и тма повьсуду расыпаше, яко убо гльбоцѣ нощи быти мнѣтись. А еже паче удивити могуше, — яко честь убо нѣкую земли въ еже по естеству съ течения звѣздамъ помрачаему, прочеему же просвѣщену прѣбывающу, тогда же повьсуду т'ма бысть. Имат' бо сице: егда убо къ вьстокомъ прѣкланяему слнѣцу съпут'ство будетъ, тогда единѣмъ и сущимъ въ той странѣ явлено бываетъ слнѣчнаго свѣта оскудѣние, а еже къ западомъ сълучаюте просвѣщена суть; егда же паку въ странѣ сълучитесе быти западной, паку и просвѣщения и потьмненна бывает. Тогда же и весн'ному равноденьству наставшу и полудньству тврѣду сущу, прѣзь естество подвьниде луна слнѣце четырнадесетна, всѣхъ новѣйше сущи, — вещь никогдаже бывшу или быти естество ими въ вѣкы, // — или таковое звѣздамъ съпут'ство быти, или тма толика по в'сей земли пролитисе. И не сѣ тѣкмо, нъ земля же от самѣхъ корень измѣташе, и церковнѣ раздрасе опона, и в'са съмущения бѣху пльна, и свободитесе бѣд'ствоваху вьскорѣ.

л. 302

Нъ обаче ни же сице разумѣше окаянни отци ваши, ни же крѣпость еже и естества удобнѣ съставомъ измѣняющу от нечювьствия постизаху, нъ неразумнѣйши и иже без'душнымъ идоломъ вьнимающимъ еллиномъ видѣбахусе. От онѣхъ бо убо немали къ Христу приступише и мученичьскихъ получише побѣдныя почѣсти, слѣпий же и глуши отци ваши въ лютѣйшую пропасть невѣриа скоро себе вьрынувше. Сиа прочее Захариа убо зрѣ, глаголаше, еже рекошесе прѣжде мала, да безаконие прѣдставитъ отецъ вашихъ. Моси же: «Узрите живот нашъ висещъ прѣд очима вашима». И Исаиа: «Певкомъ, и кедромъ, и купарисомъ вькупѣ прославлю мѣсто святое Мое», — от каковыя будетъ вещи дрѣвѣ крестъ проявляе. И пророкъ Аввакумъ: «Господи! — рече, — услышахъ слухъ Твой и убояхсе. Господи! разумѣхъ дѣла Твоа и удивихсе. Посрѣдѣ двою животну познанъ // будеши», — сущихъ, егда

л. 302 об.

распинаем бѣ, съраспинаемых Тому двѣю разбойнику показуе, о нихъ же Давыдъ «И съ незаконъными вѣмѣниси» — рече.

Иматъ бо сице. Христу распету бывшу, двѣ злодѣя от обою страну Тому на крестѣхъ яко умрѣше съповѣшени. От сихъ единъ убо, не от повѣшаемыхъ нужде убо смѣратисе вѣды, хуле Того, понашаше, глаголе: «Аще Тѣ еси Христос, спаси себе и наю». Другой же, прѣмо ономъ пришьдѣ, много же елико показуе благоразумие, яро убо възыраше на хулившаго и суровъство ненавидѣше, тврьдѣ же зѣло запрѣтивъ: «Ни ли тѣ боишиси Бога? — глаголаше, — толико явѣ хуление от устъ произносе? Мы убо выправду, достойна съдѣаннымъ въздания приемлемъ, Съ же ничтоже зло сътвори». И глаголаше Иисусови: «Помѣни ме, Господи, егда приидеши въ царствѣ си».

Смотри убо достоитъ, колику вѣру благоразумнѣ съ купно и съгрѣшениомъ исповѣдание и зазрѣние топлѣ показа и колико нѣчто от иже в'сегда кающихся и възлюбльшихъ Исуса сего покаяние разнъства и любви. Прѣвѣ убо еже въ Еуаггелиихъ реченъное Христови мытареву покаяние // да испытаемъ. Съ фарисеомъ бо съ купно въ церковь възшьдѣ, не тажде сего блѣдѣше, нь смѣрена нѣкаа многу милость привлекаеща Божиу.

Смотри убо, якова обоихъ. Фарисей убо, рече, сице въ себѣ моляшесе: «Боже! благодарю Те, яко нѣсьмъ якоже прочии от чловѣкъ, хыщници, неправедници, прѣлюбодѣи, или якоже съ мытарь. Пощусе дващи въ субботу, десетъствую вѣса, елика имамъ». Мытарь же, далече ставъ, ни же възырати смѣшаше, нь биаше, рече, прѣсы: «Боже! оцѣсти ме, — болѣз'нно вѣпие, — грѣшнаго!». Тѣмъ же и мытарь убо съниде оправданъ, хвалеи же се окаянънь изьоста много вѣслѣд идущому. Сѣ убо таково топлѣйше свѣдѣтелъствующу покаяние мытареву.

Зрѣ же и жены нѣкоторые блуднице любовь пачеестества. Въ храмину бо нѣкогда прокажена нѣкоего вѣшьдѣшу Иисусови, приступи сиа и, мура убо на Того проливаючи главѣ, слзы же от очию произносеши, земльно убо ничесоже, якоже мнози или паче в'сѣхъ, нь точию съгрѣшениомъ прошаше раздрѣшение, и не погрѣши.

Дѣла убо и обоихъ дивна и великѣмъ похваламъ достойна, различнѣйше же длго съматрае // кто правѣ обрѣщетъ разбойничее. Мытарь убо, аще и дрѣхлыма очима и прѣклонъною къ земли выею приступи къ болшему, нь вѣдѣшаше же, ничесоже сумнесе, яко Богъ есть небу и земли творецъ и твари в'сакое, от Негоже съгрѣшениомъ проситъ отпущение. Такожде же и блудница многымъ прѣжде видитель чюдесемъ бывши и Христа не малиши видѣвши, т'мами отпушающа от осуждения съгрѣшившимъ, тврьдо, якоже бы рекль кто, имѣшаше от сихъ и еже приетия же желаниемъ влѣчаше, отпущение явѣ съгрѣшениомъ. Разбойнику же, р'ци ми, кою кто убо имать рещи благоразумиа вину, развѣ наго быти таковые душе исправление. Откуду бо подвизаемъ блажены онъ испусти гласъ? Еже бо о видимыхъ противныхъ подобаше паче помысли обращати и никакоже от чловѣка на дрѣвѣ осуждена нага пригвождена чаяти приети по-малѣ срамною съмрѣтиу умрѣшу. Нь отврѣз'шимъ се благоразумно душевнымъ очесемъ, позна тогожде Създавшаго, Егоже отци ваши слѣпи, по Исайи, и глуши бывше, якоже и прѣжде речесе, в'са трѣбовѣху по//знати.

Зрѣ сего ради, колико множество благѣхъ разбойникъ малыми сими глаголы затвори. Вьнегда бо рещи: «Мы достойна съдѣаннымъ въсприемлемъ», — показа себе смѣрение мытареву и исповѣдание купно имуща, а въ еже пакы рещи: «Помени ме, Господи, въ царствѣ си», — топлу, по блудници, имѣти утврьди любовь. Сице и, по божест'вному рещи Давыду, безакониа его, открыена быв'ше, отпустишесе. «Рѣхъ», — бо речеть тѣжде пророкъ въ иныхъ: — исповѣмъ на ме Господеви безакониа моа; и Тѣ отпустиль еси нечѣстие срдца моего».

л. 303

л. 303 об.

л. 304

Елма же Христову царствиу честникъ разбойникъ прошаше быти, да възыщете, кое нѣкое царство мнѣаше Христа имѣти: еда убо врѣмненное и чловѣчское и елико не и еще скончаемо и ничтоже тврѣдо имуща? Нѣ неразумно есть таковаа чаяти оному неп'щевати, къ послѣднымъ тому убо въздыханиом суща, и Христа же паки, аще и, егда възхотѣ тогда умрѣть, послѣдняя юже дышущу вѣмняе. Прочее, не таково, нѣ царство вѣдѣаше Христа имѣти, еже Даниил' же и Давидъ и от пророкъ прочии прорекосе, иже небу и земли, аггелом явѣ и чловѣком и в'сей твари цар'ство, бесконьчное // и в'сѣх вѣкѣ выш'ше.

л. 304 об

Зрѣ же и нѣчто друго лихоим'ство разбойника по ничесому реченных мње имущу. Пилат бо убо — о, прѣмудрых Твоих, Христе, судьбѣ! — судиа сѣдѣ хотещому судити живимъ в'сѣмъ и мрѣтвымъ, неповинна убо Того показа, никакову вѣсма сѣгрѣшениу повинна, нѣ обаче им' же на нѣ убийствнымъ отцемъ вашимъ издател'на сѣтвори. Нѣ не разбойникъ таково изнесе судъ, нѣ истиннѣйши в'сакому и праведнѣйши. Сѣдѣянных бо разумѣвъ и по онѣхъ възрѣвъ, якоже судиа и тѣ тогда бысть: себе убо осудивъ, Христа же выш'ша от нанесеных винѣ показавъ: «Мы бо убо, — рече, — достойна их'же сѣдѣхомъ възприемлемъ, Сѣ же ничесоже безмѣстно сѣдѣа». Се же бѣ и непрѣподобных ваших отецъ убийце показавшѣ. Кни бо когда убо суть иже сущаго вѣнѣ в'сакое вины убивше?

Нѣ сиа убо толика, вѣра же его мала и словесе ниединаго развѣ мала? Никакоже. Сице убо прѣвелика, яко прѣдварити ми и нѣчто юношьско реши. Вещ'шу же оного и от апостолские вѣры аз' же реку. Глаголю же не юже имѣше нашѣдшу на не Светому Духу и сѣврѣше//нѣх показавшу, нѣ юже и сѣ Христомъ прѣбывающе прѣжде страсти имѣаху и по страсти еще и възкресени. Вси бо развѣ Иоанна никакоже ни по-единому врѣмену трѣпещу распрещисе Иисусу, мала оногова сѣпрѣбываниа попек'шесе, не якоже прѣдбѣд'ствовати не възхотѣше, нѣ и утаитисе тѣщахусе, инѣ инамо бѣгуние рас'сѣяни, единому Иоанну, якоже рѣхомъ, и страждущу сѣпрѣбывающу, и досаждаему сѣ Ним, и умирающу неотступаему. И не тогда же тѣкмо въ юностех въ начелѣх⁸ бѣдѣ без'дрѣзостни бѣху и невѣриемъ одрѣжими бѣху, нѣ и възкресша Сего слышавше, ни тако измѣняхусе от сѣдрѣжешаго ихъ сѣмушениа: толико отстояху еже вѣровати, яко възкреснетъ, яко и видѣвшим посмѣвахусе и блѣдива иже сѣ рекшимъ глаголы непщеваху. Нѣ добрый сѣ и къ истинѣ благоразум'нѣ разбойникъ, въ кровехъ вѣсь живот и убийствохъ валяесе, вѣнезапу овче от вѣсѣх болше стада Христова бысть. И онѣ убо ни же всѣкрѣшущу извѣщяхусе, а иже посрѣдѣ бѣдѣ и будущее еще възкресение исповѣда. Сие бо и чае, «Помѣни ме, — рече, — Господи, егда приидеши въ царствѣ си», — царство глаголе, якоже варивше рѣхом, иже небу и зе//мли сѣпростираемое безмѣрнымъ вѣком.

л. 305

Нѣ речеть кто къ нему: «О блажени и благоразумны разбойниче! Что когда тебе повинувшее, разбойничьскими сѣживуща множестви и ниня сиу убийства ради под'емшому сѣмрѣть, напрасно богословити и Божиихъ судьбѣ назырателю быти?», — он же, мнѣю, не брѣгъ, принесетъ отвѣтъ истин'нѣ: «Солнце бо, — речеть, — убо свѣт зрѣ отложив'ша за иже на крестѣ осужденому образѣ Христа повѣшена, луну же паки супротивный и своего прѣзвѣстества чина шѣствующи путь, землю же тресущице, церковную раздыраему опону, камене, якоже нѣкоему крѣпко разбивающу, сѣкрушаемо, гробы мрѣтвыхъ сами о себѣ отврѣзаеми и иже въ нихъ вѣчерашныхъ юже мрѣтвыхъ из'скачющихъ якоже от сына, великое же небесные силы удивльшихсе, сумнишисе вѣсма, яко Богъ есть страждей плѣтну, и выпрашати

л. 305 об

⁸ Словамъ «въ юностехъ въ начелѣхъ» в оригинале соответствует *ἐν ὄρεσι* — «в разгаре».

ме хочещи, откуда найде ми еже богословити? Аще и азъ убо, — рече, — мльчаниемъ прѣиду чюдеса, тварь възупиеть, не тръпещи своего Творца зрѣти досаждаема».

л. 306

Нъ зрѣи и въздание коли//ко сему Христос дарова: рай исповѣданиу дает даръ и, великое, яко и въскорѣ се рече сътворити и съ Собою вьнити общасе, «Аминъ, — бо рече, — днесь съ мною будещи въ рай». Сиче убо въскорѣ приет своее любве и вѣры мзды, якоже мнѣти ми се и Адама прѣдварити, вьшѣдь съ Христомъ.

Видиши ли, о Ксеню, прочее, како в'сѣми явлено истин'ствуе показуется глаголющее о Христе слово, яко овѣм убо есть камень прѣтиканиа и камень съблазна, овѣм' же паки основание неоторимо, краеугльно, избрань, чьсътнь, и како никтоже на нь вѣровавы неполучивъ явисе и укрѣплень, якоже и ниня разбойникъ?

О крестѣ убо и страсти сиа: да съсмотримъ же ниня прочее яже и о живоносной сьмрѣти богоглаголивых пророкъ и от царь⁹ прѣдречесе.

Сьраспинаемым Христови разбойником голѣни прѣбиеномъ на крестѣхъ, да въскорѣ еже жити издадетъ и възмутсе оттуду прѣжде даже постигнеть субота, понеже петькъ бѣ, Тѣ не сѣ пострада, прѣдвари бо умьрь, — да реченное събудетсе слово: «Кость не съкрушитсе от Него».

л. 306 об.

Умрѣт иже от Дѣвы родивѣсе чловѣкъ, — и рече Давыдь: «Бых яко чловѣкъ бес помощи, въ мрѣтвыхъ свободѣ; яко язвѣни спеше въ гробѣ, их'же // не помену ктому, и тѣ от руки Твое отрыновени быше. Положише ме въ ровѣ прѣисподнѣмъ, въ тьмныхъ и сѣни сьмрѣтнѣй». И Исая: «Имже образомъ отступеть на Те мнози, сиче непрославитсе от чловѣкъ видѣ Твой и слава Твоя от сынѣ чловѣчьскихъ». И паки тѣжде: «Нѣсть видѣ Ему ни доброта, и видѣхомъ Его, и видѣ Его бесчѣст'нь, исчезае видѣ Его паче сынѣ чловѣчьскихъ». И патриарьхъ Иаковъ: «Възлегъ, — рече, — поспа, яко левъ и яко скум'нь. Кто възбудит Его?» И паки Исая: «Чловѣкъ, — рече, — въ язвѣ сѣи и вѣды тръпѣти болѣзнь, яко просиа¹⁰ лице Его, бесчѣствовань бысть и не вьмѣни. Сѣ грѣхы наше въземлет и о нас болит. И мѣи вьмѣнихомъ Его быти въ болѣзни и ранѣ от Бога и въ озлоблени. Тѣ же уязвленъ бысть за безакония наша и уранен'е за грѣхы наше.¹¹ Наказание сьмирениа нашего на нь, язвою Его мы исцѣлѣхомъ. В'си яко овце заблудихом; чловѣкъ от пути своего заблуди, и Господь прѣдасть Его грѣхомъ нашимъ. И Тѣ заеже озлобленъ быти не отврѣзаетъ уста Своа».

л. 307

Прочее убо, слышано ли бысть кому когда от их'же от вѣка иного грѣхы възимати иному, или нѣкоего уязвляема инѣхъ исцѣлити // мощи, развѣ иже в'са сиа паче слова съдѣлавшу Богочловѣку-Слову? Кое убо слово когда чюдесе постигнеть сих? Зрѣи же и ино не мьне сих.

Божий Сынъ и Слово, иже плоть хоте приети и иже за в'сѣхъ сьмрѣть прѣтръпѣти, таковаа рече къ блаженому Иову: «Прѣпоаши яко мужъ чрѣсла своа, въпрошу же те, ты же Ми отвѣщай: где бѣ, егда основахъ землю? Възвѣсти Ми, аще вѣси разумъ». «Егда быше звѣзди, възхвалише Ме гласомъ велиемъ в'си агтели Мои и въспѣше. Заградих' же мору врата, положихъ ему прѣдѣлы и рѣхъ ему: даже до сего доидещи и не прѣвъзыдещи, нь въ тебѣ съкрушетсе влны твое. Възвѣсти Ми, аще тѣ възель еси брение, създа животно и глаголател'но тѣ положи на земли. По стопахъ же безднѣ ходил' ли еси? Отврѣзают' же ли се тебѣ врата съ страхомъ сьмрѣтна, вратници же адови, видѣвше, ужасоше ли се?» «Отвѣщав' же Иовъ Господеви, гла-

⁹ В оригинале: *πατρίαι* — «отцами».

¹⁰ В оригинале: *ἀποτραπταί* — «отвернулось».

¹¹ Слова «и уранен'е за грѣхы наше» написаны на нижнем поле; знака в тексте, указывающего, куда они должны быть вставлены, нет; место их определено с помощью оригинала.

голеть: вѣмь, яко в'са можеша, не невъзможно же Тебѣ ничесоже. Слухомъ убо уха услышах Те прѣвѣе, ниня же око мое видѣ Те».

Зрѣи убо прочее Божиа сло//веса в'се яко въкратцѣ тебѣ божеств'наго и плътскаго сьмотрениа таин'ство прѣдставляющемъ. Вънегда бо рещи «Где бѣ, егда основах землю» и «Егда быше звѣзды, всхвалише Ме гласомъ велиемъ в'си аггели мои и воспѣше», и паки «Заградих мору врата» и, «възъмь брение, създахъ животно и глаголател'но тѣ положих на земли», Бога себе въ в'сѣхъ сих' и Творца небу и земли и чловѣкомъ в'сѣмъ прѣдстави; а въ еже паки рещи «По стопахъ бездны», — еже тожде есть рещи «по земли», — «ходихъ» — и чловѣкъ тѣжде показуется.

л. 307 об.

Речет' же убо кто сѣ и ино нѣчто проназначенано быти. Стоещу бо Христу нѣкогда при брѣзѣ и учещу, сълучишесе убо възьшьдыше ученици въ кораблицѣ нѣкакъ при брѣзѣхъ колѣблющ'се възьшьдыше, Тѣ же прѣбывъ на сушу. Въ полунощи же зреть Сего гредуща къ нимъ, по мору ходеща, убоявшесе убо новому сему видѣнию, устрашишесе в'си, мѣчтаніе нѣкое възмнѣвшесе зрѣти. Разумѣв' же убо иже душе онѣхъ ратующаго страха, «Азь ес'мь, — рече издалече, — не бойтесе». И инии убо слышаннымъ умльчав'ше, трепещуще, един' же отъ нихъ, Петръ именовъ, врхов'нь сѣ прочиимъ, ражде//г'се, «Аще Ты, — рече, — еси, повели ми к Тебѣ приити по водахъ». Оному же повелѣвшу, овъ убо идѣаше; посрѣдѣ же ходе и крѣпостию убо укрѣплень повелѣвшаго Учителя, вѣтръ же зре крѣпкъ, и начеть утапати за маловѣрие свое, выпити начеть: «Помози мнѣ, Господи!». Христосъ же, близъ бывъ и руку подавъ устрашающомусе, спасе его, еже къ вѣрѣ нетвердое прѣвѣе и унииние поносивъ. Се убо есть еже Божий Сынъ Иову рече, явѣ яко: «По стопахъ бездны ходихъ».

л. 308

А еже «отвръзаютсе Тебѣ съ страхомъ врата сьмрътнаа, вратници же адови, видѣвшесе Те, ужасошесе», — обоє показа: Бога явѣ и чловѣка тогожде: яко убо чловѣкъ умрѣт, а якоже Богъ крѣпкою рукою в'сако утврѣждение горкаго и несытаго низврѣже ада. Се бо есть еже прѣдрече Давыдъ: «Вечеръ въдворитсе плачь, и заутра радость». Плачь убо — за погребение, радость же — за въскресение. Яко бо Богъ купно же бѣ въ умрѣшимъ тѣлесе и въ адѣ съ святою душею Своею, еще же съ Отцемъ сѣде и Духомъ, якоже убо неописанъ сѣ и в'са испльняе яже на небеси и на земли. В'се прочее вратники посрамивъ и в'са врата разорити и разврѣщи, Спасъ възьхъ и по//датель свободзденіа вѣчнаго поставлень бысть, триднев'нь възкръсь, якоже нѣгде о семь прорече ученикомъ, егда прѣданы быти Сынъ глаголаше Чловѣчъ Иудеомъ и досажденъ будеть, и поруганъ, и умрет, распетъ бывъ, и въ третій день възкресеть, и паки: «Никтоже възметъ душу Мою от Мене, власть имамаъ положити ю и власть имамаъ паки възети ю». Елма убо власть имѣти глаголетъ и по обоихъ, явѣ яко убо ни единъ на Нь дрѣзнулъ би, аще не убийцамаъ Себе Самъ волею прѣдавше. Удобнѣйше бо убо на скудѣлника въстати яже тѣ зиждеть скудѣлныя сьсуды, нежели кому от бывшихъ или бываемыхъ чловѣкъ на Създавшаго его възмоци Бога.

л. 308 об.

Зри же ми, како ни же сиа неизглаголанна от пророкъ оставлена быше, яже о адову реку раздрушениу и божеств'наго тридневнаго Его възкресения. Давыдъ бо убо «Врагу, — рече, — оскудѣше оружиа въ коньць, и грады раздрушиль еси». «И крѣпкому, — Исаяа рече, — раздѣлитсе користь», — сирѣчь от бѣсовъ отечьскихъ душъ; и Исаяа: «Врата мѣд'на сътльче, и вѣрѣе желѣзныя ськруши. И отвръзу тебѣ скровища тьмна, невидима покажу тебѣ». И паки Давыдъ: «Не оста//виши душу мою въ адѣ, ни даси же преподобному Своему увидѣти истлѣнна», — ни же бо приеть истлѣнне прѣсветое Господне тѣло. И паки: «Въстани, възкую спиши, Господи! Въскресни и не отри ни до конца». И паки: «Въскресни, Господи, помози намъ и избави нас имени Твоего ради». И паки: «Въскресни, Господи, суди земли, яко Тѣ наслѣдиши

л. 309

въ в'сѣхъ езыцѣхъ». И Иеремиа: «Се, — рече, — положихъ Те въ завѣтъ роду, въ свѣтъ езыкомъ», «Устроиши землю и наслѣдити наслѣдіе, глаголе ужникомъ 'изыдѣте' и иже въ т'мѣ 'открытесе'». И Исая паку: «Будетъ въ день оный, — рече, — корень Иисеовъ, и Выстаетъ владати езыкѣ, на Нь езыци уповають, и будетъ покой Его чьсть».

О Иисеову убо корену и кто есть Выстаетъ обладати езыки, на Нь же уповають езыци, многими въ прѣждныхъ указано бысть, а еже «будетъ покой Его чьсть» въ образѣхъ разумѣвается триехъ. Покой бо убо да глаголетсе Сыну Божию и Слову иже всѣхъ родовъ — и прѣждныхъ, и иже по ней — произъбранна дьщи Иоакима и Анны и пророка и царя отродь, Приснодѣваа Мариамъ, одушевленъ домъ и божеств'внъ быв'ши Богови и зѣлосвѣтлѣй//ше жилище, въ немъ же Богъ и прѣжде зачетиа почи, и въ томъ зачетиу плоть заим'ствовавъ отъ нея, и по зачетиу, или паче въ в'сако убо лѣто. Сѣ бо ннѣ¹² еже на ней Божіа Слова проназначенуе покой и Соломонъ «Одрь» сиу именована, на немъ же царствующиа почи Царь и господствующиа Господь. Чьсть убо буди еже въсей твари, иже отъ нея рожденному Богу Слову вѣровавши, бесчестіа идол'скаго измѣнитесе и льгчайшее и блажайше под'ети иго проповѣди. Глаголетсе убо и иже въ адѣ тридневны покой Его чьсть, якоже рече Исая, яко мѣдныя и желѣзныя вѣрѣ съкруши и побѣдитель въскресе, в'сѣхъ себѣ събравъ иже отъ вѣка тамо држимыхъ.

Еще и по-иному образу да глаголетсе убо покой Его чьсть, — яко по свѣтлѣйшой оной побѣдѣ и иже изъ мртвыхъ славнаго въскресения Своему божеств'ному съставу съвзынесъ юже отъ насъ приеть плоть, Отцу съпосади и Духу, въкупобожну показавъ и просвѣтливъ божеств'ными свойствами «неслытно же и неизмѣнно», ни же въ естество чловѣчское божество прѣложъ, ни же въ тѣ измѣнивъ чловѣчество, нъ подавъ убо плоти божь//ства похвалы, Самъ же непричест'нъ въсма и неприобщенъ прѣбывъ тое страстий. Възведъ сего ради, якоже речесе, сиу и на Отчіймъ прѣстолѣ посадивъ, съпокланяема быти устрои отъ в'сее твари видимыя и умныя святой и блаженѣй Троицы. На царскомъ убо и божеств'номъ прѣстолѣ нашего естества сѣдалище да глаголетсе убо вълѣпоту покой, чьст' же и отъ всѣхъ покланяние.

Не Исая же тъкмо, нъ и Давыдъ, «Въскреси, — глаголетъ, — Господи, въ покой Твой, Тѣ и кивотъ святыне Твое», — Прѣсветую Марию и Богородицу кивотъ именуе Божіе светыне, еже Сыну и Слову съставъ приемшу, ейже Законны кивотъ бѣ образъ, яже скрижали вьнутрь имущи, и стамну, и инаа божеств'ныхъ онѣхъ, якоже речесе, скровищъ. «Въскреси, — убо рече, — Господи, Тѣ и кивотъ святыне Твое», — яко въскресьши и той по умрѣтви, по тое Сыну и Богу, якоже божеств'ны зде рече Давидъ.

Имаѣтъ бо сице. Божеств'нымъ апостоломъ по еже на небеса Господня въсхода повьсуду въселенныя разсѣбаномъ, врѣмени же наставшу, въ не же къ вѣчнѣмъ обитѣлемъ Дѣвѣй подобаетъ прѣставитесе, Сыну съпрѣбываючи присно и Богу, бываетъ же нѣчто прѣславно тогда и в'сакъ ужась прѣвъсходе: // облаци бо отвьсуду, сихъ под'емше, в'сѣхъ напрасно въскорѣ божеств'ному Дѣвѣ тѣлу прѣдавѣши, и тако въкупъ в'семъ срѣсти прѣподобныя Матере Божіе сълучесе, прѣсветѣй ея души въ Сыновни и Божіи руцѣ положенѣ. Аще бо «праведныхъ душе въ руцѣ Божіи», якоже рече Соломонъ, подобаше убо иже въсей твари прѣмирныя и чювьствныя свѣтѣйшой и божеств'нѣйшой различіе имѣти и еже въ рукахъ своего Сына и Бога души устройство и упокоение.

Оно же тебѣ никакоже убо невъзможно да възьмнитесе, рекше еже на облацѣхъ носимѣмъ апостоломъ, якоже отъ исповѣданія отъ единого мѣста

¹² В оригинале этому странному слову (очевидно, это — не снабженное титулом «ниня») соответствует *δέ* — «же».

гредущих паки въ тожде сънитисе, да назнаменает' же ти слово Аввакумъ агтеломъ къ Даниилу по въздуху отнесену. Вьльпоту прочее и Давидъ глаголаше: «Въскреси, Господи, въ покой Твой, Ты и кивот светыне Твое», — въскресе бо и таа, якоже нѣгде речесе, да раболѣпно и матер'скы прѣдстоить своему Сыну и Богу.

И сиа убо о семь; Господнѣ же божеств'ное въскресење довол'нѣ мнит' ми се показати тебѣ свѣтлѣйшее солнца сияющу и явленѣйше, якоже не имѣ//ти слово никакого убо еже мрѣтво Того глаголати изволити ученикомъ, сѣ еже въ горнихъ словесехъ самъ рекль еси. Како бо не безмѣстна будетъ испльнѣ воинномъ оружнымъ нещевати дръзнути, и сиа не от оставленаго, нѣ съ тыщаниемъ присѣдшимъ, и еще жива Того за несмѣние оставльшимъ? Аще ли же и се въ мысль рекше онѣмъ прииде и утаити възмогли би, якоже нѣкто злодѣйствовати речеть, спешимъ стражникомъ, како убо прѣвеликы камень онъ, възымше, прѣложише, трепещуще, якоже достояше, чловѣци и боещесе? Кромѣ же сихъ ни же стражники помиловани¹³ сие унывател'нѣ имѣти, и стражу, юже якоже нѣкое велие от повелѣнія въвѣрени быше, оставити и издати, чловѣкомъ сѣ имущихъ начинание и къ единому сему подвизающимсе въ в'сѣмъ животѣ, явѣ яко свой убо стрѣжати, супротивныхъ же побѣждати: сими бо, якоже подобаетъ, двѣю образу художество в'сако затвараетсе воинчѣско. Еще же ни великый онъ трус от нѣкоего сълучая нещувемъ бѣ, нѣ нѣкѣ божествна быти честь, в'саку отсуду от'емлюща вину, иже прѣбестест'вное Господне и стран'ное въскресе//ние облыгати начинающимъ. Где бо подобаетъ земли убо сие крѣпко възвараемѣ, яко мнѣти от своего основаниа отступити, камену же сие велику и съ трудомъ валяему, присѣдшимъ не двѣма же тъкмо или триемъ, ни же до десетице или дващи толицѣмъ сущимъ, нѣ всѣ чинъ, кустодиа бо, рече, бѣ сие погрузитисе съномъ, яко ниединому кому от сълучив'шихсе ошутити? Испитати достоить, ни же Пилатовѣхъ повелѣний сие онѣмъ прѣнебрѣщи, ни же иже от уныниа¹⁴ поношений и от съвоин'ствующихъ срама сие имѣти невъзвратнѣ, яко убо и себе и вѣровавшихъ издати, и убо ни же Пилату толико брѣгомо бысть гроба стрѣжаніе, елико иже оногю убившимъ разбойникомъ. Аще бо тѣ собою гробное съблюденіе творил' би, имѣаше, мнѣю, мѣсто, аще и непотрѣбно тогда мужеубийцамъ еже облыгати, небрѣщи глаголють утврѣждениа тому, елма же онии мала в'са стражи Мрѣтваго нещеваше, како не бесловесіе много дѣтин'скими сие и смѣшными клеветами покрывати искати истину? Приступльше бо, рече, // книжници и архиереие рѣше Пилату: «Господи! Помѣнухомъ, яко льстьць онъ, еще живъ, рече: 'по триехъ днехъ встану'. Повели убо утврѣдити гробъ до третиаго дне, да не како, пришѣдше, ученици Его нощию украдутъ Его и рекутъ людемъ: 'въскресе от мрѣтвыхъ'; и будетъ послѣднаа прѣлесь горша прѣвые. Рече имѣ Пилатъ: имате кустодиу, шѣдше, утврѣдѣте якоже вѣсте. Они же, шѣдше, утврѣдише гробъ, знаменав'ше камень съ кустодиєюю».

Сматрай сего ради, како и неволю от ужаса и страсть исповѣдаху волну и въскресење възвѣщаху, на провѣдшаго бо яко умрѣти и еже убѣжати въистину лежаше, елма же не възхотѣ, а еже умрѣти хоте под'еть, и еже триднєв'нѣ въскрєснѣти повѣсуду явѣ яко съврѣшишесе. Яко убо, еже рѣхъ, имиже оноговѣ написовати покушаються, въ тѣхъже якоже подобаетъ клеветущѣ емлеми суть, и оногю утврѣждають слово, егда «Никтоже, — глаголаше, — възметъ душу Мою от Мене, нѣ Азь власть имамъ положити и власть имамъ паки възети ю».

¹³ В оригинале: *ὀπίθων*, а должно быть, видимо, *ὀπίθων* (от *ὀΐμαι* — думать, полагать).

¹⁴ В оригинале: *ῥαθυμίας* — беспечности, нерадивости.

л. 311

л. 311 об.

л. 312

л. 312 об. Е же бо рѣхъ, различными тѣхъ можаше обложити скръб'мы, // якоже ниня и тѣ глаголаше, яко: «Могу умолити Отца Моего, и прѣдставит' Ми многае или дванадесеть легеонъ агтелъ», — нь не высхотѣ, подобаше бо я же о Немь написана в'са коньць приети, се бо бѣ Спасови тыщаниемь, да познають в'си е же о нас вол'ную Его страсть и е же воскресения скоростное и удобно, яко Богу высесилну. Сего ради и въ празникъ бысть Пасхы, якоже ниня езыкомъ въ тожде стекшимсе, явѣ в'сѣмь и прослуто будетъ таин'ство, и чловѣкъ истиньн' страсти ради въ в'сѣмь мирѣ и Богъ тѣже истин'нь воскресения ради проповѣтсе, и же от Дѣвы Марие рождень Исусъ Христосъ.

л. 313. Е же Христосъ живы и прѣбывае съ ученикъ, ничесо же отъ настоещихъ мир'скихъ тѣмь обѣщаваше дати, в'сако же паче супротивно, скръби явѣ яко и искушения: «Се бо посилаю вас, — рече, — яко агнице посрѣдѣ влѣкъ», и «Прѣдани будете, — провзвѣщаше, — отъ друговѣ и суродникѣ, и възне-навидѣни будете отъ всѣхъ», и умрѣти имате за име Его, по сихъ же многа тамо блага и присносущное небесемь царство. Аще убо не възкресе, чесо ради или кѣми висесесе надеждами толика послѣди в'си пострадаше о Немь люта? И бо подобаше, аще не се было би, тѣмь у//бо яко заблудившимъ коснутисе, оного же яко прѣльстника прѣнебрѣщи. И сѣ въ умѣ положити, яко аще не Себе възкрѣсил' би, якоже глаголаше, ни же обѣщания благыхъ мощ'нь убо съвршити будетъ.

л. 313 об. Како же убо и мртьв'ца украсти дрѣзнуше и же жива сего е же оставльше и ни же по възкресении отъ видѣв'шихъ увѣраеми? И бо, възкрѣсь, не абие явися ученикомъ, нь инѣмь нѣкоторымъ, и же, шьдѣше, рѣше имь, яко «Видѣхомъ Господа». Они же не е же вѣры, и вѣлѣпоту, несъвршени бо бѣху е же. По семъ же приходитъ Исусъ въ н'же домъ бѣху тии съкрѣвени страха ради Иудейска и, «миръ» тѣмь прирекъ, поноси жестосрѣдие ихъ, яко «видѣв'шимъ Его вставша не е же вѣры». Ови же, сего видѣв'ше, възрадовашесе зѣло, по-мале о Немь Писан'мы къ вѣрѣ выводими възкресения чудеси. Яко убо, е же глаголахомъ, како убо о мртьвомъ толики прѣтрѣпѣти бѣды высхотѣли би и же и, живу сущу, бѣжавше и страха ради съкрѣвени и къ възкресению невѣрующе? Нѣ суть сиа; нь убо воини свое ихъ твораху дѣло опаснѣйшу, елико въ нихъ приходитъ имуще стражу, Са//мъ же яко Богъ възкресе, вьсуде онѣхъ обличивъ бдещихъ стражею, е же и тии познаше убо, прикрыше же зае же мзды възети.

Се бо е же Иона въ чрѣвѣ китовѣ, пророчествуе, рече: «Хранещи, — бо рече, — суетна и лъжна милость свою оставише», — сирѣчь и же тѣло Господне вьсуде стрѣгуше, страстное бо вѣмѣсто дѣйствнаго сказавшимъ сед'мьдесятимъ познано бысть, милость свою, ю же хотѣху приети отъ Христа, явлено Того възкресение сътвор'ше, оставише, дароприетие недуговав'ше.

Видиши ли, о Ксеню, како отъ в'сѣхъ не по твоему мнѣнию и и же по тебѣ сущимъ дрѣводѣле Иосифа Христосъ показуется сынъ, ни же лъстьць и прѣльстникъ, ни же за ихъ же рекль еси варивъ сьгрѣшения умрѣт, ни же отъ ученикъ мртьвѣ украденъ бысть, нь Богъ е же и чловѣкъ, истин'нь по обоихъ, и хоте пострада, и, пострадавъ, яко Богъ възкресе?

л. 314. Я же убо о сьмртьи и възкресения Его таковаа и сице повьсуду сияюща иматъ указанія: елма же възкрѣсь явися убо и ученикомъ различно, яви же си и нѣкоторымъ инѣмъ по днѣхъ четьридесетъ възкресения Его, въ гору Елеон'скую изышьдѣ, сущи съ Нимъ светѣй Его Матери и ученикомъ. «Шьдѣше, — рече, — въ миръ вьсь, проповѣди//те Еуаггелие в'сей твари: и же вѣру иметъ и креститсе, спасень будетъ, невѣровавѣ же осуждѣнъ будетъ. Знаменія же вѣровавшимъ сиа послѣдствуютъ: именемъ Моимъ бѣсы ижденут, езыки възглаголють новы, змие възмут, аще и сьмртно что испиютъ, ничтоже ихъ вѣдѣти, на недужныя руки възьложет, и здрави будутъ». «Вѣ

же съдѣте въ Иерусалимѣ дондеже облѣчетесе силу съвыше» и «примете силу, нашъдшу Светому Духу на вы».

Се же рече не яко немощно имѣти Тѣ крѣпость тѣмъ подати, нь да едину и тужде покажетъ волю же и силу Отца и Сына и Светого Духа.

«И будете Ми свѣдѣтели въ Иерусалимѣ же и въ в'сей Иудеи и Самарии и даже до послѣднихъ земли. И сиа рекъ, зрещимъ имъ, възетсе, и облакъ под'еть Его от очию ихъ. И яко възырающе бѣху на небо идущу Ему, и се мужа двѣ прѣдста имъ въ одежди бѣлѣ, иже и рѣше: мужие Галилейски! что стоите, зреще на небо? Съ Исус, възнесийсе от вас на небо, тако приидет, им'же образомъ видѣсте Его идуща на небо», — явѣ яко на облацѣхъ. Они же, поклоншесе, отидоше въ Иерусалимъ съ веселиемъ, общан'ную съвыше силу ожидающе.

Вънми убо, да видиши, елика // и о божеств'нѣмъ възнесенѣи Христовѣ от пророкъ речено бысть. Давыдъ убо рече: «Господи, пою Тебѣ въ езыцѣхъ, яко велиа врѣху небесъ милость Твоа, и до облакъ истина Твоа. Вознесисе на небеса, Боже, и по в'сей земли слава Твоа», — еже убо и бысть, Тѣ бо убо на небеса възыде, слава же Его землю протече в'су, всѣмъ Тому яко Богу кланяющимсе. И паки тѣжде Давыдъ: «Възыде Богъ въ воскликновени, — рече, — Господь въ гласъ трубнѣ», — высокое божест'внаго възхождения Его и услышаное прѣдставляе. И паки: «Възмѣте, врата, кнези ваши, и възмѣтесе врата вѣчнаа, и вънидетъ Царь славы! Кто есть съ Царь славы? — Господь крѣпкъ и сил'нь, Господь сил'нь въ брани. Възмѣте, врата, кнези ваши, и възмѣтсе врата вѣчнаа, и вънидетъ Царь славы! Кто есть съ Царь славы? Господь силамъ, Тѣ есть Царь славы».

л. 314 об.

«Възмѣте, убо рѣше, небеснаа врата», — долнѣйшии чиномъ силы горнѣйшимъ; «да вънидетъ Царь славы», — чловѣкъ явѣ, егоже Сынъ Божий възприеть, Емуже ново нѣкое есть и пачеестства съ плтиу на небеса пришьствие, яково ниединому от чловѣкъ никогда же таковаа прошъдшу врата. Таже величие пророкъ и дрѣжаву // Пришьдшаго назнаменати хоте, яко от лица херувимѣ въобразивъ слово, яко рекше невѣдущимъ и въпрашающимъ, рече: «Кто есть съ Царь славы?». Таже, имиже въпрашаютсе, рѣше: «Господь крѣпкъ и сильн', Господь сильн' въ брани». И сего ради — «възмѣте» иже вѣчно затворенѣ «врата, кнези ваши, и вънидетъ Царь славы».

л. 315

Прѣзъестест'вное убо и стран'ное таин'ство пророкъ прѣдставити хоте, явѣ яко како и тѣхъ прѣвъзыде небесныхъ силъ иже от земли имѣе бытие Адамовъ и Дѣвые Сынъ, вещьших от агтель въводитъ, недомышляющихсе и въпрашающихъ «Кто есть съ Царь славы?», а иже Того носещимъ отвѣщавающимъ: «Господь, — глаголющимъ, — силамъ, тѣ есть Царь славы». Въ еже убо рещи «Господь крѣпкъ и сильнъ, Господь сильн' въ брани» чловѣка тѣкмо показа, съплет'шасе съ диаволомъ и крѣпко того низврѣг'ша, яко бо чловѣкъ сего низложи, нь не яко Богъ, понеже не би убо было ново ничтоже, каа бо въ Бозѣ брань? А въ еже паки рещи: «Господь силамъ, Тѣ есть Царь славы», — обое рече, Тѣ бо есть Богочловѣкъ-Слово, Господь в'сѣмъ небеснымъ силамъ.

И Исая же сице о семь рече: «Кто съ, приходей изъ Едома, очрввление // рызамъ от Восора? Съ, крас'нь въ одежди, въпиеть съ крѣпостиу: Азь бесѣдую правду и судъ спасения. — Почто Ти очрвлени ризы, и одѣяния Твоа яко от истыптана точила? Испльнь попра, точило попрахъ единъ, и от езыкъ нѣсть мужъ съ Мною. И попрахъ ихъ ярости и сѣрхъ ихъ яко землю и низведохъ кровь ихъ въ землю. День бо възданиа наиде тѣмъ, и лѣто избавления прѣдста. И призрѣхъ, и не бѣ помощникъ, приразумѣхъ, и никтоже посѣти. И избави ихъ мышца Моя, и ярость Моя тѣмъ наста. И попрахъ ихъ гнѣвомъ Моимъ, и низведохъ кровь ихъ въ землю».

л. 315 об.

Сматраемъ убо, колика и съ имиже рече проназнамена. Прѣвѣе убо величие Въсходешаго показати хоте, по Давыду, и съ въображаетъ слово

и силы небесные бесѣдующимъ другъ другу вводит, яко не невѣдущимъ, нь да намъ, еже рѣх, таинству учитель будеть. Таже езыкомъ присвоение и спасение являеть и Иудеомъ разорение. Рече убо пръвѣ: «Кто съ приходей изъ Едома?», — рек'ше от земли; «очръвление рызамъ от Восора», — заеже бо от Восора плътѣнь бы//ти являеть, заеже «очръвление же ризь» еже от страсти глаголе язы плътские. А еже «бесѣду правду и судъ спасениу», — яко от лица речено бысть Христова, Еуагтелиемъ данное спасение являе, еже правду и судъ рече спасениу. А еже «почто Ти оброщени ризы и одѣяниа яко от испранна точила», — плоть являеть и сѣ, съглашае съ патриарха Иакова сущимъ, въ них'же рече: «Испереть въ винѣ одежду Свою и въ крови гроздовѣ одѣяние Свое», — сирѣчь тако иже от ранъ кровиу обагрившиесе плоти Его, якоже убо аще кому от мѣста ризы обагрени будуть.

А еже «точило попрах единъ, и от языкъ нѣсть мужъ съ Мною», — от лица и сѣ речено бысть Христова. Се бо есть еже рече Давыдъ: «Ждахъ иже съ Мною поскрѣбить, и не бѣ, и утѣшающаго, и не обрѣтохъ» — сирѣчь: «Въ страсти и въ честиихъ находений лютиихъ никтоже Ме утѣшаше, в'сѣмъ Моимъ отбѣгшимъ ученикомъ». А еже «точило истыпахъ единъ» супротивные рече силы, «иже къ Моему убийству подвигшихсе езыкъ Иудейскы, иже Мою плоть Моею обагрив'шихъ кровиу, яко въ точилѣ, гроздь напрасныхъ вложивъ, вино горести // каплющих; и ярость змиевѣ единъ, сирѣчь поможения вѣнѣ в'сакого, попрахъ», сирѣчь съврѣшено низложихъ. Таже къ Иудейскому немилостивному гнѣву прѣложивъ слово, «Попрахъ, — рече, — тѣхъ яростиу и сырыхъ ихъ якоже землю, и низведохъ кровь ихъ въ землю. День бо въздания наиде тѣмъ», — будущее сими яко прѣшьдѣше пророкъ глаголе.

Коньць еже на Иудеохъ осмому слову.

Vindobonensis Palatinum, Slav. 34

ВОСЬМОЕ СЛОВО ПРОТИВЪ ИУДЕЕВЪ *

И м п е р а т о р: А после этого Ирод, осознав, что он волхвами обманут, предавшись гневу, перебил в Вифлееме всех мальчиков от двух лет и моложе, — и сбылось пророчество Иеремии, гласящее: «Голос в Раме слышен был, рыдание, и плачь, и вопль многий: Рахиль, оплакивающая детей своих, не хотела утешиться, потому что их нет» (Иеремия 31, 35; Матфей 2, 18). Поскольку же, как мы сказали, Божие Слово, восприняв плоть, иногда обнаруживало силу и власть божественности — говоря, например, прокаженному: «Хочу, очистишься» (Матфей 8, 3), или расслабленному: «Возьми свою постель и иди» (Лука 5, 24), и морю с ветром: «Умолкни, перестань» (Марк 4, 39), — а иногда выказывало немощь человеческой природы, чтобы уверовали, что Он истинный человек, — и тогда Он бежал от Иродова безумия в Египет, и Мать несла Его на руках, а Иосиф следовал за ними, — да и в этом исполнится пророческое слов, «Из Египта, — гласящее, — призвал Я сына Моего» (Осия 11, 1; Матфей 2, 15), и сказанное Исайей: «Господь сидит на облаке легкомъ», — значит на Девичьихъ руках, «и придет в Египет, и сотрясется все сотворенное руками в Египте» (Исайя 19, 1), «И познан будет Господь египтянами, и убоятся они Господа в тот день» (ср. Исайя, 19, 21), — что и произошло, ибо, когда ребенок входил в Египет, все бесовские там идолы низверглись. Так можно ли все, на что я указываю, столь великое, вызывающее удивление и превосходящее природу, связывать с кем бы то ни было из людей от сотворения Адама вплоть до Рождества Христова?

* За проверку перевода благодарю проф. А. И. Зайцева.

Ксен: Ни в коем случае. Совершенно ведь необходимо отдавать голос истине, чтобы избежать обвинения в безумии, пытаясь сопротивляться столь ясным доказательствам.

Император: Я думаю, ты не перестанешь удивляться и тому, что еще остается присовокупить. Следи же, дабы понять, что нет смысла в том, что говорят некоторые невежественнейшие люди, будто Христос ниспроверг данный Моисеем Закон тем, что Он при жизни делал и говорил. Справедливо ли даже помыслить такое, когда, чтобы не выглядеть незаконным, Он, в соответствии с Законом, обрезал свою крайнюю плоть? Но давай это оставим, ибо это мы хорошо рассмотрели прежде. Обрезался же Он, желая, чтобы не казалось, что Он хочет жить вопреки Закону, и показывая, что Он есть источник и податель и Ветхого и Нового Заветов.

А после этого, в возрасте тридцати лет, Он крестится в Иордане, — но не в числе тех, о ком говорит Исайя: «Омойтесь, очиститесь, удалите испорченность вашу» (Исайя 1, 16), — не имея Сам нужды в крещении, будучи весь чист и превыше всякой скверны, но — чтобы дать Новый Завет, обещанный через Исайю народам. Об этом ведь крещении и пророк Иезекииль говорил: «Господь сказал мне: эта вода, текущая в Галилею, освятит воды, и будет всякая душа, на которую придет эта вода, — живой будет и спасется» (ср. Иезекииль 47, 7—9). «Ибо, вот, как бы лев выйдет из среды Иордана» (ср. Иеремия 27, 44).

С той поры Он начал учить иудеев о царствии Божию, обещая убеждаемым гораздо больше благ, нежели Закон. Ведь там Бог через пророка обещает немлющим, что их будут ждать готовые для съедения блага земли, т. е. изобилие плодов, вина и масла, обилие животного масла, а также множество стад, победы над врагами, и тому подобное другое (ср. Второзаконие 11, 13—25), а Христос уверовавшим в Него пообещал отпущение грехов, победу над дьяволом и жизнь — не такую, какой мы здесь живем, подверженную из-за греховного преслушания разрушению смертью и тлением, но ангельскую, бессмертную и никакой смертью не кончающуюся.

Ксен: А почему же тогда, если это имеет отношение к истине, смерть и после того по сию пору торжествует над всеми и что ни день то вершит свое дело над десятками тысяч людей?

Император: Я думаю, ты хорошо знаешь, что Адам и его потомки были осуждены на смерть за грех, и, будучи сам фарисеем, не сомневаешься в воскресении. Впрочем, раз уж и остальное вы понимаете конкретно и приземленно, ни на шаг не отступая от буквы, потому я думаю, что и слова о воскресении вы должны воспринимать не полностью и не так, как подобает. Что все воскреснут, вы признаете, а что будет потом — вновь ли все умрут или будут живы вовек, — этого ни вы не знаете, ни отцы ваши. А то как же они Христа, всеобщую жизнь, погубили бы? Знай же, что легче одному человеку выпить небо и землю, нежели смерти удерживать людей с тех пор, как Христос, побывав в аду, сокрушил его власть и вместо тления и смерти дал нам нетление и бессмертие. А эта смерть, о которой говорится у нас без умолку, имеющими разум людьми должна почитаться, пожалуй, неким сном, хотя и более длинным, чем обычный сон. Когда же Христос во второе Свое пришествие, при котором, как мы сказали, и силы небесные подвижутся, дарует всем бесконечную и неуничтожимую смертью жизнь, будет ли тогда по праву называться смертью эта нынешняя смерть, которую мы стяхнем легче, чем сон?

Обещая дать такую вот жизнь, Христос учил не придавать никакого значения пище и одежде, но стремиться по мере сил к справедливости и

святыне, веруя, что остальное мы, и не прося, получим от промышленяющего всеми Бога-Отца, ибо Он хорошо знает, в чем мы имеем нужду.

Смотри же не подумай, слыша, что Христос начал учить, когда Ему исполнилось тридцать лет, что Он не мог этого делать прежде того, потому что это не так, не так. Ведь не в ходе развития, как решили некоторые из безумных еретиков, Он делался более святым или более мудрым, но сразу, родившись таким, имел совершенное человеческое знание, как и когда начал учить, как и сейчас: ведь с самого момента божественного зачатия, путем предельного соединения Своей божественной ипостаси с душой и телом, Он воспринял совершенство во всем. Так что вовсе не потому, что Он не был еще совершенным, Он не учил, пока Ему не исполнилось тридцать лет, но — чтобы это не показалось чем-то диковинным, диктуемым не столько истиной, сколько фантазией, а сверх того — и заграждая незатыкаемые уста ваших отцов, не давая им повода для упреков в том, что Он прежде подобающего времени по дерзости и гордыне берется учить.

К с е н: Как, несмотря на то, царь, что ни один человек от века более тысячи лет не прожил, вы считаете Мессию живым по прошествии уже почти тысячи четырехсот лет? Это ведь невозможно. Если же вы скажете, что Он умер, то явной ложью окажется то, что Он Мессия. Да ведь и Илия еще не пришел, о котором говорят, что он должен, когда Тот родится, Его помазать.

Ц а р ь: «Заблуждаетесь», Ксен, «не зная Писаний, ни силы Божией» (Матфей 22, 29). Говорят и веруют, что Илия Фезвитянин должен прийти, однако не для того, чтобы помазать Господа. Но поскольку должен родиться из еврейского, как говорят некоторые, рода некий скверный человек, который воспримет в себя дьявольскую энергию и с ее помощью будет способен творить великие знамения и чудеса, именуя себя Богом и Помазанником, так что он прельстит не только многих из сущих тогда христиан, но и оставшаяся малая часть еврейского народа тоже будет увлечена антихристовым обманом, — придут, говорят, тогда Илия и Енох, посланные от Бога, исполнившегося в сердце жалостью, чтобы научить и обратит и других, и несчастный еврейский народ ко Христовой вере или, что то же, к вере в Святую Троицу, да не все вообще будет поглощено дьяволом. Ибо хотя по причине убийства Христа они и сделали себя врагами Бога и Евангелия, но любимы они Богом по причине любви Его к их отцам. Но кого божественный промысел увидел необращающимся к покаянию, тех он оставил, а про кого узнал, что они благоразумно примут божественную евангельскую проповедь, теми он не пренебрег.

Тогда сбудутся слова пророчества Исаяи: «Если будет число сынов Израиля больше песка морского, остаток Израилев спасется» (Исайя 10, 22). Ради этого ведь тогда будет Илия послан Богом, а не для того, чтобы, как вы думаете, помазать Мессию, что могут говорить лишь неучи, как я сказал ранее, вовсе Писанию не наученные.

Христос же, поскольку Он Бог, пребывает и на небе, и на земле, и во всем, и выше всего. «Небо ведь и землю Я исполняю» (ср. 1 Пар. 29, 11), — говорит Господь. А поскольку Он — человек, Он не прожил тысячи лет, и здесь, т. е. на земле, Его нет. Прожил Он за тридцать лет и, будучи распят злейшими отцами вашими, умер, и святое тело Его было положено в гробе, подверженное гибели, но не разложению. Божественная же ипостась, нерасторжимо с воспринятым соединенная, сошла во ад вместе с божественной душой и освободила там всех от временных уз, и божественной властью восстановила тело, которое она восприняла, отбросив уже тление и смерть, облекшись же в нетление и бессмертие.

Воскреснув же таким образом на третий день, освободив от уз Адама и даровав ему прежнее место пребывания, рай, Христос сопребывал с

оставшимися одиннадцатью учениками, ибо Иуда отошел в то место, о котором сказали пророки, т. е. в муку бесконечную; а через сорок дней по воскресении из мертвых Он вознесся на небеса в присутствии собравшихся всех Его учеников и Пресвятой Матери и на их глазах. И теперь Он пребывает на небесах, сидя рядом с Богом-Отцом и вместе с Ним принимая поклонение от всех небесных священных начал, что дальнейшая речь по ходу разговора сделает более ясным.

Ксен: Мне приятно, царь, все это выслушать. Я услышал от тебя нечто сверхъестественное и странное и хочу хорошо понять, так ли это на самом деле.

Император: Все по мере сил я постараюсь ясно тебе изложить. Ныне же давай вернемся к тому, от чего твои слова заставили нас отойти. Ведь уже и все пророчества наконец исполняются.

Итак: Христос сказал от лица Давида в тридцать девятом псалме: «Жертвы и приношения Ты не захотел, тело же восстановил Мне. Всесожжений и за грехи не взыскал. Тогда Я сказал: вот, приду; во главе книжной написано обо Мне: сотворить волю Твою, Бог Мой, Я захотел, и закон Твой — в середину чрева Моего. Я благовестил правду в церкви великой» (Пс. 39, 7—10).

Смотри, как и Давид намекает здесь на прекращение жертв и всесожжений и на введение и свободу Нового Завета. Ведь словами «Жертвы и приношения Ты не захотел», а также «всесожжений и за грехи не взыскал» он ясно показал прекращение жертв и отвращение от них Бога, а при этом словами «тело же восстановил Мне» — таинство Нового Завета. Вот какой имеет смысл то, о чем он говорит: «Иудейские жертвы и всесожжения сделались ненавидимы Тобой и мерзки Тебе; в теле же, которое Ты Мне восстановил, совершается Твоя божественная воля; т. е. плоть, которую Я принял для спасения всех, она и приносится за них в жертву, как написано обо Мне в главе книжной, т. е. в словах пророков». А после этого, намекая на божественность и высоту Его учения, он говорит: «Я благовестил правду в церкви великой».

Еще Исайя говорит: «Ребенок родился нам, Сын, и был нам дан» (Исайя 9, 5), и Иеремя: «Сей есть Бог наш, не сравнится с Ним другой», «После этого на земле увиден Он был и жил с людьми» (Варух 3, 36, 38). И премудрый Соломон говорит: «И ныне, Господи, Бог Израилев, да будут достоверны слова Твои Давиду, отцу моему! Неужели поистине Бог поживет с людьми на земле?» (3 Царств 8, 26—27), и человек Он, и кто познает Его? Еще блаженный Давид говорит: «Бог явно придет, Бог наш, и не промолчит» (Пс. 49, 3). И еще: «Явится Бог богов в Сионе» (Пс. 83, 8), и в другом месте: «Бог Господь и явился нам» (Пс. 117, 27), «Благословен идуший во имя Господне» (Там же, 26).

Кто же усомнится в том, что все это явно проповедует о Богочеловеке-Слове? Думаю, никто, за исключением разве того, кому захочется выказать себя очень вздорным, пророческим словам не наученным и в высшей степени неразумным человеком, вроде ваших отцов, которым подобало бы с радостью принять Сына Божия и Слово — Человека, явившегося в соответствии с пророческими проречениями, и досыта вкушать Его источающих жизнь божественных слов, а они не только этого не сделали, но и бесчеловечнейшим образом, бесясь от зависти, Его погубили, злое, по Давиду, воздав Ему за то, что Он дал им благое (ср. Пс. 37, 21): ведь слепцов их он делал зрячими (см. Матфей 20, 34; Марк 8, 23), ослабленных укреплял (см. Матфей 9, 6; Иоанн 5, 8—9), прокаженных очищал (см. Лука 17, 21) и мертвых воскрешал, как от сна (см. Лука 14—15; 8, 52—55; Иоанн 11, 14), и самое наибольшее — обещал небесное царство (см. Матфей 25, 34),

и вместо того, чтобы быть любимым, был оболган и за добро получил зло. Ибо «Враги мои, — говорит Давид, — сказали обо мне злое: когда он умрет и погибнет имя его?» (Пс. 40, 6), «Надо мной смеялись сидящие в воротах, и обо мне пели пьющие вино» (Пс. 68, 13).

Так много, однако же, сделав у них — не так, как пророки, бывшие рабами, но как Бог, имеющий власть, — Он глядел на них как на неразумных, ничем не лучших скота по состоянию, ни пророческих слов не понимающих, ни по сверхъестественным делам разума Его не постигающих, и, предоставив им радоваться, старался довести до конца прореченное о Нем. И, входя с учениками из Галилеи в Иерусалим, Он сказал: «Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и передадут его язычникам, и будут бичевать Его, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его, и в третий день воскреснет» (ср. Марк 10, 33—34). Испытав от этих слов страдание, ученики последовали за идущим на смерть Учителем до самого конца.

И, когда они были вблизи Иерусалима, Он послал двух Своих учеников, и они привели осла, сев на которого, Он вступил в город и был всеми, особенно же незлобивыми детьми, всячески восхваляем и воспеваем. Ибо все, идя толпой впереди, по сторонам и сзади, восклицали: «Благословен идущий во имя Господне, осанна в вышних, царь Израилев, мир на небесах и слава в вышних» (см. Матфей 21, 7—9; Марк 11, 1—10; Лука 19, 37; Иоанн 12, 12—14). Это — то, что и ангелы возглашали при божественном Его Рождестве. Тогда сбылось пророчество Давида: «Из уст младенцев и сосунков Ты обрел хвалу» (Пс. 8, 3). Ведь Тогу, Кому завидовали отцы, воспевали дети. Сбылись и слова Иакова: «Привязывающий к виноградной лозе осла своего и к лозе жеребенка осла своего» (Бытие 49, 11); а с ним и Захарии: «Ликуй от радости, дочь Сиона, возвещай, дочь Иерусалима: вот, сам Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидя на подъяремном животном и на юном жеребце; тогда истребит Он боевые колесницы у Ефрема и коня в Иерусалиме» (Захария 9, 9—10). Это был намек на то, что Христос очистит все неразумие народов, исправит крестом и смертью их непокорность и своенравие и, восполнив честь, которую, имея, мы отрунули, о которой и Давид говорит: «Человек, в чести будучи, этого не уразумел; присоединился к скотам несмысленным и уподобился им» (Пс. 48, 21), — порадуется о погибших и восстанет их в прежнем достоинстве.

После этого, приготовив вечерю, говорить о которой подробно нет сейчас времени, Он возлежал с учениками и ел. Посреди же вечери Он говорит: «Один из вас предаст Меня» (Иоанн 13, 21). «Я ведь избрал вас двенадцать, но один из вас оказался дьяволом» (ср. Иоанн 6, 70). Он сказал о нем и в другой раз: «Надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Матфей 18, 7).

Ксен: Если, как ты, царь, сказал, один из них оказался дьяволом, надо было и не избирать его с самого начала, и не общаться с ним.

Император: Существует, Ксен, много такого, что звучит одинаково, но не всегда имеет один и тот же смысл. Так, Богом называют и Создателя всей твари, и бога фараона; а богом фараона называется и Моисей. И хотя название «бог» обще для Бога и Моисея, на деле они весьма различны: один по природе, поистине есть Бог, Моисей же — бог по благодати. Можно найти десятки тысяч подобных примеров, но мы их по причине нехватки времени ныне опустим. Точно так же у Иуды и у иных апостолов было общим звание избранников, но, если подумать о том, на что те и он были избраны, то они очень друг от друга отличались. Те были приняты Учителем и Богом как некие драгоценные и святые сосуды и служители Нового

Завета, Иуда же — для устрашения последующих поколений. Поскольку было обещано, что угодившим Богу людям впоследствии будут даны от Бога некие великие и сверхъестественные дары, Христос, чтобы те не хвалились успехами, принял в числе прочих апостолов и Иуду, зная крайние его злобность и неверие, — могло ли это быть иначе, если Он был испытующим сердца всех Богом? — пожелав это именно для того, чтобы преуспевающие в добродетели люди, вспоминая ужас падения Иуды, а также — что человеческая природа, имея возможность и свободу выбора, легко, если не получает помощи со стороны Бога, склоняется в обе стороны — я имею в виду добро и зло, — полагались не на самих себя, но на Бога и на Его помощь и силу, и — возносились мыслью, но имели в уме то, как Иуда, будучи святым апостолом и обладая даром творить чудеса, стал от неразумия и невнимания всем противоположным, то есть вместо друга врагом, вместо ученика предателем и вместо святого грешником. Потому и сказанные Господом слова «Я вас избрал» (Иоанн 6, 70) по звучанию применимы одинаково к Иуде и к иным апостолам, по смыслу же — неодинаково.

Смотри же не заключи из того, что я сказал об апостолах, что Иуда был избран Христом в качестве пугала для них, потому что я говорил не о них, но о различным образом впоследствии просиявших добродетелью святых мужах. Ибо Христом засвидетельствованы как величайшие из всех людей Иоанн, сын Захарии, крестивший Его и прозванный Предтечей потому, что предшествовал Ему и провозвещал Его, и апостолы. Пресвятую же Деву из числа тех, о ком идет речь, надо исключить как несравненно превосходящую всяческую человеческую природу.

Впрочем, сначала и у апостолов страх имел место, а в конце — нисколько, когда Господь говорил им: «Я уже не называю вас рабами, потому что раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас друзьями, потому что все сказал вам» (Иоанн 15, 15).

Знай между прочим, что страх бывает двух родов: один — ведущий к добродетели страх о своих грехах, о котором и Соломон сказал: «Начало премудрости — страх Господень» (Притчи 1, 7), а другой — свойственный совершенным существам некий божественный страх, как у ангелов, которые, как то видел Исайя, закрывают от страха лица крыльями. Разделяя таким образом страх надвое, Давид говорит: «Работайте Господу со страхом», — намекая, как мы сказали, на вводимых, «и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11), — имея в виду совершенных; и в другом месте: «Страх Господень чист, пребывающий во веки веков». (Пс. 18, 10).

Итак, на твое недоумение, вызванное избранием Иуды, по мере сил мы тебе ответили; обрати теперь внимание на то, что и совершенно все остальное было пророками предсказано. Так, Давид, указывая на сверхъестественное неразумие Его ученика и на то, что он восстал на Учителя, надругавшись над законом всякой любви, сказал: «Человек, с которым Я был в мире, на которого надеялся, евший хлеба мои, поднял на меня пяту» (Пс. 40, 10); «Поставь над ним грешника, и дьявол да станет одесную его. Когда будет судиться, да выйдет осужденным, и молитва его да будет в грех. Да будут дни его малы, и достоинство его да примет другой» (Пс. 108, 6—8); «Возлюбил проклятие, и оно придет на него; и не восхотел благословения, и оно удалится от него» (Пс. 108, 17).

Ведь этот-то Иуда вместе со вселившимся в него дьяволом, приступив к последователям того, первосвященникам и книжникам, совещался с ними о том, как предать Учителя. И они обещали дать ему тридцать сребреников, если он им Его предаст, — да исполнится и пророчество Иеремии, гласящее: «Поставили тридцать сребреников цену Оцененного, Которого оценили из сынов Израиля» (Матфей 27, 9; ср. Захария 11, 12). Благодаря сребролюбию

ими таким образом уловленный, Иуда, взяв некий отряд, отправился обманом брать Иисуса.

И он пришел на место, куда Тот привык прогуливаться с учениками. Христос же еще прежде, чем они пришли, сказал ученикам: «Встаньте, пойдем», — проявляя готовность к смерти за всех и добровольность принимаемого Им страдания, о чем и сказал в другой раз: «Власть имею положить душу Мою, и власть имею опять взять ее» (ср. Иоанн, 10, 18). Диких же этих зверей подходящих увидев, Он сказал: «Кого ищете?». Те ответили: «Иисуса Назорея». Он сказал: «Это я», и все тут же пали ниц. А когда Он немного отошел, они встали, и Иисус снова сказал: «Если Меня ищете, оставьте их, пусть идут» (Иоанн 18, 8), — имея в виду учеников, которые сразу после этого, напуганные разбойниками, убежали.

Иисус добровольно Себя предал, ничем не вынуждаемый пойдя к этим человекоубийцам, избавляя их от применения насилия, ибо «Предан Я был, — говорит от лица Христова Давид, — и не ушел» (Пс. 87, 9), т. е.: Ясно ведь, что имея такие силу и власть, с которыми мог одним словом истребить гонителей, Я не был бы схвачен «ненавидящими Меня», не реши добровольно пострадать ради спасения всех.

Один же из учеников, исполнившись рвением, ударил мечом одного из слуг этих нечестивцев и отсек тому ухо. А Христос, побуждая и научая быть смиренными во всем, тут же восстановил пораненному отрезанный член, а поранившего строго упрекнул, сказав: «Возврати меч твой в его место; ибо все, взявшие меч, мечом погибнут. Или думаешь, что Я не могу умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?» (ср. Матфей 26, 52—53), — имея тем самым в виду: если это произойдет, как же сбудутся Писания? Ибо все должно получить исполнение. Причем то, что Он может умолить Отца, Он сказал как человек, в то же время имея как Бог в услужении всех ангелов, все небесные силы с трепетом повинующимися Его мановению.

А то, что все взявшие меч умрут, Он сказал, разом и научая уподобляться Ему незлобностью, беря за образец Его поступки и всегда их имея перед глазами, и предсказывая тяжелые беды, которые ожидали иудеев в будущем, едва ли не вопия нам тем самым: «Все Меня убившие скоро и сами станут жертвами убийства», — что вскоре и случилось, не миновало, ибо все они были погублены римским мечом.

Смотри же: ничего из прореченного о Нем пророками не осталось ведь неисполвшимся. Покинули ученики Его, когда Он был схвачен теми убийцами, разойдясь кто куда, — и сбылось пророчество, гласящее: «Поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Матфей 26, 31). Отведен Он был связанным во двор первосвященника по имени Каиафа, а оттуда к Пилату, и, обступив Его, слуги били Его по щеке и ругались, всевозможным образом браня Его и надругаясь, — и сбылись слова Давида: «Окружили Меня псы многие» (Пс. 21, 17), «быки тучные схватили Меня» (там же, 13), «поношения поносящих Тебя пали на Меня» (Пс. 68, 10), «Умножились больше волос на голове Моей ненавидящие Меня понапрасну, укрепились враги Мои, преследующие Меня неправедно» (там же, 5). Отослан Он был, оскорбляемый, от Пилата к Ироду, случившемуся в Иерусалиме, — и вновь сбылось пророчество Давида: «Зачем были в смятении народы и люди поучались суетному? Восстали цари земли», т. е. Ирод и Пилат с первосвященниками и людьми, «против Господа и против Помазанника Его» (Пс. 2, 2), говоря: «Расторгнем узы их и отбросим от себя иго их» (там же, 3). Каких их? Бога, конечно же, и человека, которого Бог воспринял. Но «Живущий на небесах посмеется над ними, и Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею смутит их: Я ведь», говорит Христос, «поставлен Им царем над Сионом, горою святою Его»

(там же, 4—6), т. е. в самом Иерусалиме, каковой так и называем Сионом, и в церкви древней иудейской и этой новой, народов, «возвещаая», т. е. проповедуя, преподавая, «повеление Господне» (там же, 7). Затем продолжает: «Господь сказал Мне: Ты Сын Мой, Я сегодня родил Тебя» (там же), — имея в виду человека, которого воспринял Божий Сын-Слово, потому что «сегодня» указывает на человеческую временность. «Проси у Меня, и Я дам Тебе народы в наследие Тебе, и пределы земли во владение Тебе» (там же, 8), — что и произошло, ибо всю подсолнечную можно видеть божественное иго Евангелия влекущей.

Являя затем должествующие прийти на иудеев беды и изобилие неизбывных скорбей, «Упасешь их», говорит он, «жезлом железным», т. е. изобильною и непобедимую силой, «как сосуды горшечника сокрушишь их», т. е. всех уничтожишь так, что никакой не останется у них больше надежды на прежнее счастье и устройство. Таковы ведь керамические сосуды, что они совершенно не могут быть восстановлены, когда бывают разбиты (ср. Иеремия 19, 11), и нет тогда от них никакой пользы, а какая-либо металлическая вещь, будучи сломана, может быть переплавлена и воссоздана, полностью восстановлена может и стать ничем не менее, чем прежде, полезной. Как мы уже говорили, предсказывая таким образом их окончательную гибель, «Как сосуды горшечника», сказал он, «сокрушишь их», — значит, совершенно уничтожишь.

Иуда же после того, как предал Благодетеля и Учителя, уразумев, до какого зла довела его страсть сребролюбия, осудив себя, а скорее отчаявшись от крайнего уныния, не прибег к человеколюбивейшему Христу и не попробовал уравновесить таковую дерзость покаянием, но пошел к первосвященникам и сказал только следующее: «Согрешил я, предав кровь невинную» (Матфей 27, 4), — бросил серебро, которое поспешил получить, и, выйдя оттуда, удавился. Превосвященники же ничего ему не ответили, только сказали: «Что нам до того? смотри сам» (там же), — и, взяв сребреники, купили на них, посоветавшись, землю горшечника для погребения странников, сочтя неподобающим вновь положить их в сокровищницу, потому что они были ценой крови. Тут сбылись слова Иеремии: «Поставили тридцать сребреников цену Оцененного, Которого оценили из сынов Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (ср. Матфей 27, 5—10). А также и Захарии: «Если угодно вам, то дайте Мне плату Мою, которую обещали. И поставили плату Мою тридцать сребреников. И сказал Господь мне: брось их в горнило и смотри, подлинное ли оно, — каким образом Я был испытан ими. И я взял тридцать сребреников, и бросил их в дом Господень в горнило» (Захария 11, 12—13).

Пришли потом лжесвидетели, свидетельствуя против Него, — а Давид говорит: «Восстали на Меня свидетели неправедные: чего Я не знаю, о том допрашивали Меня, воздали Мне зло за добро» (Пс. 34, 11—12). Будучи предан Пилатом воинам для распятия, всякому виду поруганий был Он подвергнут; совлекли с Него ризы, и воины, взяв их, разделили между собой, хитон же Его решили не раздирать, потому что это было невозможно, ибо он был весь тканый сверху, и жребий метали о нем, кому достанется, — и совершилось сказанное Давидом: «Разделили ризы Мои между собой, и об одежде Моей метали жребий» (ср. Иоанн 19, 23—24; Пс. 21, 19). Облечен был Он потом в хитон досаждения, — и тот же Давид говорит: «Я же, когда они досаждали Мне, одевался во вретисце» (Пс. 34, 13). Бичи Он претерпел, и плевки, и заушения, — а Иеремия говорит: «А Я не сопротивляюсь, не возражаю, плечи Мои подставил бичам и ланиты Мои заушениям, лица Моего не отвратил от стыда оплевания, и Господь стал Мне помощником, потому Я не устыдился, но держал лицо Мое, как

твердый камень, и познал, что не постыжусь» (Исайя 50, 5—7). Отведен был, чтобы быть распят, — а Исайя говорит: «Как овца на заклание веден был; и как агнец перед стригущим его безгласен, так Он не открывает уст Своих. В смирении Его суд над Ним совершен. Род же Его кто изъяснит? Ибо забирается от земли жизнь Его» (Исайя 53, 7—8).

Он уподобил Его овце, беззлобному ягненку, безгласному агнцу, чтобы показать Его смирение, кротость в ответ на жестокость, Его долготерпение. Будучи в состоянии ведь пустить на них всевозможные стрелы или повелеть земле расступиться и поглотить их, Он этого не сделал и отвечал на их безумие и кровожадность больше молитвами, говоря: «Отпусти им грех, Господи» (ср. Лука 23, 34).

Род же Его, который никто не может изъяснить, он имел в виду не мирской и человеческий, ибо в этом смысле Он был всем известен как потомок Авраама и Иуды, затем Давида и сын от них происходящей Приснодевы Марии, но — род божественный, для всех непостижимый и неизъяснимый, равно как и род Отца и Пресвятого Духа.

К с е н: Ты только что, царь, сказал, что Он молил Отца о распинавших Его. Почему же, если Он был Богом, как ты ныне стараешься доказать, Он не имел власти Сам отпускать согрешения распинающим, но молился Отцу? Если ты скажешь, что Он молился не как Бог, а как человек, почему же тогда Бог не преклонился сразу к Его молитвам, но убийцы, впад в такие беды, еще и ныне, как ты говоришь, несут кару за бесчеловечность?

И м п е р а т о р: Я думаю, у тебя еще в памяти то, о чем мы говорили раньше, — что Христос действовал иногда как человек, а иногда как Бог. Как Бог — когда говорил прокаженному: «Хочу, очистишься» (Матфей 8, 3), — и расслабленному: «Возьми постель твою и иди в дом твой» (Лука 5, 24), — также и блуднице: «Прощаются тебе грехи» (Лука 7, 48), — и другое такого рода. А как человек — когда бежал от Ирода, и боялся, и страшился, и молился, чтобы миновала Его смертная чаша. И молясь о распинающих, Он делал это как человек, ибо, будучи учителем безгневия для других, Он больше других должен был обладать им Сам и быть образцом для других. Так что Он помолился как добрый человек, пребывающий выше всякой страсти.

Но как брошенный кем-либо камень, встретив что-то твердое и отскочив, обратно возвращается к бросившему, так и эта молитва вернулась к помолвившемуся, поскольку она не нашла в тех места для покаяния, а сердца их оказались тверже любого камня и железа, ибо «Молитва моя», сказал Давид, «в недра мои возвратится» (Пс. 34, 13). Бог ведь бывает человеколюбив к тем, кто, как ниневитяне, кается, а для пребывающих во зле Он страшный Судия, совершенно неожиданно вершащий суд; таким Он прежде был для потопленных потопом и для содомлян, а впоследствии для ваших отцов, всякий вид бедствий на них наведя и вас, их потомков, сделал общей игрушкой. Вот, это — то, о чем ты спросил. Посмотри же теперь, что последовало и за иными пророчествами.

Прибили к кресту Его руки, — а Давид говорит: «Пронзили руки Мои и ноги Мои» (Пс. 21, 17).

«Дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью» (Матфей 27, 34), — и опять тот же Давид говорит: «И дали в пищу Мне желчь, и в жажде Моей напоили Меня уксусом» (Пс. 68, 22).

В ребра пронзен был копьем (Иоанн 19, 34), — а Захария говорит: «Воззрят на Меня, Которого пронзили» (Захария 12, 10).

Густая тьма среди дня повсюду разлилась (см. Матфей 27, 45; Марк 15, 33; Лука 23, 44), — и опять тот же Захария говорит: «И день этот

ведом Господу, и не день и не ночь, и к вечеру будет свет, и будет Господь царем над всей землею, и в тот день будет Господь един, и имя Его едино» (Захария 14, 7—9). И Амос: «И будет в тот день, говорит Господь, зайдет солнце в полдень, и померкнет днем свет» (Амос 8, 9). И Иеремия: «Зашло солнце в полдень» (Иеремия, 15, 9).

Обрати в связи с этим внимание на трепет вызывающую совершенно чудесную вещь: луна была тогда четырнадцатого дня, диаметрально противоположная солнцу, ибо с момента обновления она минула солнце, а свет полностью исчез в полдень, и повсюду распространились такой мрак, такая тьма, что казалось, что наступила глубокая ночь. И вот что способно удивить еще больше: когда по причине естественного течения светил какая-то часть земли оказывается затемненной, все остальное пребывает освещенным; тогда же тьма разлилась повсюду. Происходит это обычно так: когда в восточной части небосклона сходятся светила, тогда для одних только тамошних стран исчезает солнечный свет, а западные остаются освещенными; если же это случается в западной части неба, то соотношение затемненного и освещенного оказывается обратным. А тогда, когда и весеннее равноденствие настало, и неподвижный полдень, луна четырнадцатого дня, наиневнейшая, противоестественно закрыла солнце, — явление никогда не бывавшее и по естественным причинам невозможное никогда, — и чтобы произошла такая встреча светил, и чтобы такая тьма по всей земле разлилась. И не только это произошло, но и земля от самих корней отрывалась, и церковная завеса разодралась (см. Матфей 27, 51—53), и все было исполнено смущения, и казалось, что наступает развязка.

Но и тут, однако же, ничего-то ваши окаянные отцы не поняли и не постигли по бесчувственности легко управляющую стихиями силу, оказавшись неразумными в большей степени, чем поклоняющиеся бездушным идолам эллины. Из тех немалое ведь число пришло ко Христу и получило победные почести мучеников, а слепые и глухие отцы ваши (ср. Исайя 43, 8) бросились головой вниз в страшнейший ров неверия. Глядя на это, Захария и сказал — чтобы выставить беззаконие ваших отцов — то, что было приведено чуть раньше. И Моисей пророчествовал: «Увидите жизнь вашу висящей перед очами вашими» (Второзаконие 28, 66). И Исайя: «Сосной с кедром и кипарисом прослаблю место святое Мое» (Исайя 60, 13), — предсказывая, из чего будет сделан крест. И пророк Аввакум «Господи! — сказал, — услышал я слух Твой и убоялся. Господи! уразумел я дела Твои и лишил рассудка: посреди двух животных будешь Ты познан» (Аввакум 3, 1—2), — указывая тем самым на двух разбойников, вместе с которыми Он был распят, имея которых в виду, и Давид сказал: «И к беззаконникам причтен» (Исайя 53, 12; ср. Марк 15, 28).

А дело было вот как. Когда Христа распинали, по обе стороны от Него на крестах повесили, дабы умертвить, двух разбойников. Один из них, и не думая смиряться от претерпеваемого мучения, хулил Его и поносил, говоря: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас» (Лука 23, 39). Другой же выказал намного большее благоразумие: обернувшись к тому, он строго взглянул на хулителя и, не любя опрометчивости, очень терпеливо его урезонил: «Ты что, Бога не боишься, что выпускаешь из уст такую хулу? Мы-то ведь справедливо, достойное содеянному нами получаем воздаяние, а Этот ничего худого не сделал». И он сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в царствие Твое» (ср. Лука 23, 40—42).

Заслуживает внимания то, какую веру, вместе с исповеданием согрешений и самоосуждением, горячо выказал этот благоразумный разбойник и насколько отличался он покаянием и любовью от всякий раз кающихся любящих Иисуса. Но сначала рассмотрим покаяние мытаря, о котором в

Евангелиях говорит Христос. Войдя в храм вместе с фарисеем (Лука 18, 10), он не нес такой вздор, как тот, и своим смирением привлек к себе многую Божию милость.

Взгляни на них обоих. Фарисей, говорится, молился в себе так: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодей, или как этот мытарь. Пошусь два раза в субботу; даю десятую часть из всего, что приобретаю». Мытарь же, стоя вдали, не смел даже глаз поднять, но, бия себя, говорится, в грудь, болезненно взывал: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!». Потому-то и вышел мытарь оправданным, а жалкий спесивец намого отстал от идущего позади (ср. Лука 18, 11—14). Все это свидетельствует о более горячем покаянии мытаря.

Обрати также внимание на сверхъестественную любовь одной блудницы. Когда Иисус пришел однажды в дом некоего прокаженного, она подошла и, возливая Ему на голову драгоценное миро, слезы из глаз лия, ничего земного, в отличие от многих или, скорее, всех, не попросила, но только — прощения согрешений, и не без успеха (ср. Матфей 26, 6—13).

Поступки обоих удивительны и достойны великих похвал, но, если судить по справедливости, то гораздо более замечательным кажется то, что сделал разбойник. Ведь мытарь, обращаясь со смущенными очами и со склоненной к земле головой к Большему, знал, насколько не сомневался, что именно у Бога, у Творца неба, земли и всяческой твари он просит прощения согрешений. Точно так же и блудница, бывшая ранее свидетельницей многих чудес и немало раз видевшая, как Христос освобождает от осуждения десятки тысяч грешников, в результате этого, можно сказать, была уверена, что получит то, к чему ее влечет желание, т. е. прощение согрешений. А у разбойника, скажи мне, какая могла быть причина благоразумия, кроме в чистом виде исправления его души? Чем подвижный произнес он этот блаженный возглас? Ведь то, что он видел, должно было обратить его помыслы в противоположную сторону, а никак не к тому, чтобы ожидать что-то получить от осужденного, в нагом виде пригвожденного к дереву человека, которому вскоре предстояло умереть постыдной смертью. Но открылись очи благоразумной души, и узнал он своего Создателя, Которого отцы ваши, слепые, по Исайе, и глухие, как уже было сказано, совершенно не смогли опознать.

Так что, смотри, как много хорошего вместил разбойник в этом небольшом количестве слов. Ведь сказав «Мы достойное содеянному получаем», он показал, что у него смирение и исповедание, как у мытаря, а словами «Помяни меня, Господи, во царствии Твоем» он обнаружил горячую, как у блудницы, любовь. Тут можно сказать, что его беззакония, будучи открыты, были, по божественному Давиду, прощены (ср. Пс. 31, 1—2). Тот же пророк говорит и в другом месте: «Я сказал: исповедаю о себе Господу беззакония мои; и Ты снял нечестие с сердца моего» (Пс. 31, 5).

А поскольку разбойник попросил сделать его причастником Христова царства, стоит рассмотреть, какое, думал он, царство имеет у Христа: неужели же временное, человеческое, только еще не осуществленное и не оформившееся ни во что конкретное? Неразумно, однако же, и предполагать такое применительно к человеку, который находился при последнем издыхании; да и приближавшийся тогда к смерти Христос тоже дышал уже, кажется, напоследок. Так что не такое, знал он, царство имеет Христос, но такое, какое предрекли Даниил, Давид и другие пророки: бесконечное, выходящее за пределы всех веков царство неба и земли, т. е. ангелов, людей и всякой твари.

Обрати внимание и еще на одно преимущество разбойника, ничем не меньшее уже упомянутых. Ведь Пилат — премудры, Христе, Твои судьбы! —

сев судить будущего Судию всех живых и мертвых, признал Его невиновным, неповинным совершенно ни в каком преступлении, но все же выдал Его жаждущим Его крови вашим отцам. А разбойник произнес не такой суд, но более по всему истинный и справедливый. Хорошо зная, что произошло, и обдумав это, он тоже выступил тогда своего рода судьей: осудив себя, он признал, что Христос выше предъявленных Ему обвинений: «Мы ведь, — сказал он, — достойное содеянному нами получаем, а Он ничего худого не сделал». Это было свидетельством и о том, что ваши нечестивые отцы — убийцы. Кем же еще являются люди, убивающие человека без всякой вины?

Пусть это так, но его вера не настолько ли мала, что и говорить тут не о чем или мало о чем? Ни в коем случае. Она настолько велика, что побуждает меня высказать нечто более смелое. Скажу, что его вера больше, чем даже у апостолов. Я не имею в виду ту веру, какую они обрели после того, как на них сошел Святой Дух и сделал их совершенными, но ту, которую они имели, пребывая со Христом, до Его страданий, и даже еще после страданий и воскресения. Ведь кроме Иоанна, ни на минуту не отлучавшегося от страдавшего Иисуса, все они мало позаботились о том, чтобы побыть с Ним, и не только не захотели первыми подвергнуться опасности, но и постарались попрятаться, рассеявшись, убежав кто куда, и только Иоанн, как мы сказали, неотступно пребывал с Ним, и когда Тот страдал, и когда над Ним издевались, и когда Он умирал. И не тогда ведь только, в разгар опасностей, оробели они и были одержимы неверием, но и услышав, что Он воскрес, не избавились от охватившего их смятения: настолько далеки они были от того, чтобы верить, что Он воскреснет, что и над видевшими Его насмехались и считали пустыми слова говоривших об этом (ср. Лука 24, 11). А этот добрый и благорасположенный к истине разбойник, всю жизнь проведенный в крови и убийствах, внезапно стал самой большой овцой стада Христова. Те-то, и когда Он воскрес, не поверили, а он и среди бед еще только будущее воскресение исповедал. Этого ведь ожидая, он сказал: «Помяни меня, Господи, когда придешь в царствие Твое», — имея в виду царство неба и земли, соизмеримое беспредельным векам.

И если бы кто-нибудь спросил его: «О, блаженный и благоразумный разбойник! Что побудило тебя, прожившего жизнь в разбойничьих шайках и ныне претерпевающего эту смерть за убийства, внезапно начать богословствовать и быть свидетелем Божиих судов?» — он, я думаю, незамедлительно дал бы истинный ответ: «Видя, — сказал бы он, — что из-за повешенного на кресте осужденным Христа померк солнечный свет, что луна пошла обратно противоестественным для ее чина путем, что земля сотрясается, что звеса в храме раздирается, что камни, будто их кто-то сильный бьет, раскалываются, что гробы мертвецов сами собой открываются и из них, словно проснувшись, выскакивают зловонные покойники, что великие небесные силы изумились и совершенно восколебались, видя, что Бог страдает плотью, — и ты меня спрашиваешь, с чего это я начал богословствовать? Если и я, — сказал бы он, — молчанием обойду чудеса, то тварь возопиет, не терпя видеть, как оскорбляют ее Творца».

Но посмотри и — какой ответный подарок сделал ему Христос: за исповедание Он даровал ему рай и, более того, пообещал, что тот вскоре, войдя с Ним, будет там, ибо сказал: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лука 23, 43). Так быстро получил он благодарность за свои любовь и веру, войдя в рай со Христом, что, кажется мне, и Адама опередил.

Итак, видишь, Ксен, что все ясно показывает истинность сказанного о Христе, что для одних Он есть камень преткновения, камень соблазна (ср.

Исайя 8, 14), а для других неподвижное основание, краеугольное, избранное, ценное (ср. Исайя 28, 16), и что никто в Него уверовавший не терпит поражения и не бывает постыженным, как и этот разбойник?

Это — что касается креста и страдания. Посмотрим теперь, что предсказывают богоречивые отцы-пророки о животворящей смерти.

У распятых вместе с Христом разбойников, когда они висели на крестах, перебили голени, чтобы они скорее умерли, дабы снять их оттуда прежде наступления субботы, ибо тогда была пятница; а Его этому не подвергли, ибо Он умер ранее, — да сбудется изречение: «Кость не сокрушится у Него» (ср. Исход 12, 46; Пс. 33, 21; Иоанн 19, 36).

Умер родившийся у Девы человек, — а Давид говорит: «Был я как человек беспомощный, среди мертвых свободный, как раненые, спящие в гробу, которых больше Ты не вспомнил, и они отринуты из руки Твоей. Положили меня во рву преисподнем, в тени и сени смерти» (Пс. 87, 5—7). А Исайя: «В той мере изумятся, глядя на Тебя многие, в какой обесславлен будет людьми Твой вид и слава Твоя от сыновей человеческих» (Исайя 52, 14). И еще он же: «Нет ни вида у Него, ни красоты; и мы видели Его, и вид Его был бесчестен, исчезающим был вид Его, хуже, чем у сыновей человеческих» (Исайя 53, 2—3). И патриарх Иаков «Возлег, — говорит, — поспал, как лев и как львенок. Кто разбудит Его?» (Бытие 49, 9). И вновь Исайя: «Человек, — говорит он, — пребывающий в беде и знающий, что такое испытывать слабость, так что отвернулось лицо Его, Он подвергся бесчестию, и ни во что поставили Его. Он берет грехи наши и мучается за нас. Мы же подумали, что Его болезнь, беда и страдание от Бога. А Он был уязвлен за беззакония наши и раны получил за грехи наши. Воспитание смирения нашего на Нем, ранами Его мы исцелились. Все, как овцы, мы заблудились; человек на пути своем заблудился, и Господь предал Его грехам нашим. И Тот, находясь в беде, не отключал уст Своих» (Исайя 53, 3—7).

А слышано ли было, чтобы кто-нибудь когда-либо от века брал на себя грехи другого или чтобы исцелять других мог кто-то уязвляемый, кроме Богочеловека-Слова, все это соделавшего превышающим понимание образом? Какое слово о чудесах сможет это когда-нибудь разъяснить? Обрати внимание и на другое, не меньшее этого.

Собираясь воспринять плоть и претерпеть смерть за всех, Божий Сын-Слово так говорит блаженному Иову: «Препояшь, как муж, чресла твои, и Я спрошу тебя, ты же Мне отвечай: где ты был, когда Я основал землю? Скажи Мне, если знаешь» (Иов 38, 4); «Когда появились звезды, восхвалили Меня гласом великим все ангелы Мои и воспели. Я заградил врата морю, положил ему пределы и сказал ему: досюда дойдешь и не перейдешь, но в тебе сокрушатся волны твои» (ср. там же, 5—11). «Скажи Мне, ты ли взял прах, создал животное и говорящим поставил его на землю?» (ср. там же, 14). «По следам бездны ходил ли ты? Открываются ли тебе со страхом ворота смерти, привратники же адские, увидев тебя, испугались ли?» (там же, 17). «Отвечая же Иов Господу, говорит: я знаю, что Ты все можешь, нет невозможного для Тебя ничего» (Иов 42, 1—2). «Слухом уха услышал я Тебя сначала, ныне же око мое видит Тебя» (там же, 5).

Итак, смотри: Божьи слова как будто представляют тебе вкратце таинство божественного промысла воплощения. Ибо, сказав «Где ты был, когда Я основал землю?», и «Когда появились звезды, восхвалили Меня гласом великим все ангелы Мои и воспели», а также «Я заградил морю ворота», и «взяв прах, создал животное и говорящим поставил его на землю», — всем этим Он выказал Себя Богом, Творцом неба и земли и всех людей; а словами «По стопам бездны ходил» — а это то же самое, что «по земле», — Он показал Себя и как человека.

Можно сказать, что этим предуказывается и нечто иное. Ибо однажды, когда Христос стоял на морском берегу и учил, ученики Его, случилось, вошли в какое-то зыбкое суденышко, а Он остался на суше. В полночь же они увидели Его идущим к ним и убоились этого видения, устрашились все, решив, что видят некое приведение. А Он, поняв, что души их одолевает страх, сказал издали: «Это Я, не бойтесь». Все, услышав это, трепеща, замолчали, но один из них, по имени Петр, главный среди них, осмелившись, сказал: «Если это Ты, то повели мне прийти к Тебе по воде». И когда Тот повелел, он пошел; пойдя же по воде, укрепляемый силой повелевшего это Учителя, но видя, что дует сильный ветер, начал из-за своего маловерия тонуть и закричал: «Помоги мне, Господи!». Христос же, находившийся поблизости, подал устравившемуся руку и, спасши его, высказал ему при этом порицание в первую очередь за нетвердость в вере и уныние (ср. Матфей 14, 22—31). Это и есть то, о чем Сын Божий сказал Иову, т. е. «По стопам бездны Я ходил».

А слова «Открываются тебе со страхом ворота смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужаснулись» показывают и то и другое, т. е. Одного и Того же как Бога и как человека: ведь как человек Он умер, а как Бог крепкой рукой низверг всю твердыню горького и ненасытного ада. Именно это предрек Давид словами «Вечером водворится плач, а наутро радость» (Пс. 29, 6). Плач — по причине погребения, а радость — по причине воскресения. Ибо как Бог Он был вместе со Своим умершим телом и со святою Своею душою в аду, в то же время сидя рядом с Отцом и Духом, пребывая неопишваемым и исполняя все, что есть на небе и на земле. Посрамив таким образом всех адских привратников и все врата ада разрушив и низвергнув, Он стал Спасителем всех и подателем вечного освобождения, на третий день воскреснув, как и предрек это некогда Своим ученикам, сказав, что Сын Человеческий будет предан иудеям, подвергнется оскорблениям и поруганию, и умрет распятый и на третий день воскреснет, а также: «Никто не возьмет душу Мою от Меня: имею власть положить ее и власть имею опять взять ее» (ср. Иоанн 10, 18). Поскольку уж Он сказал, что имеет власть и в том и в другом, ясно, что никто не осилил бы Его, если бы Он добровольно не предал Себя убийцам. Легче ведь керамическим сосудам восстать против делающего их горшечника, чем кому-либо из живших на земле или имеющих жить людей осилить Создавшего его Бога.

Гляди же, что и это не оставили пророки непредсказанным — я имею в виду разрушение ада и божественное Его на третий день воскресение. Ибо Давид говорит: «У врага вконец оскудели мечи, и города Ты разрушил» (Пс. 9, 7); «И с крепким, — говорит Исайя, — Он разделит добычу» (ср. Исайя 53, 12), — у бесов т. е. отнимет души отцов; и еще Исайя: «Ворота медные сокрушил и веревки железные сломал. И открою тебе сокровища темные, невидимое покажу тебе» (ср. Исайя 45, 2—3). И вновь Давид: «Ты не оставишь душу мою в аду, не дашь святому Твоему увидеть исление» (Пс. 15, 10), ибо не приняло же исление пресвятое тело Господне. И еще: «Восстань, что спишь, Господи! пробудись и не отринь до конца» (Пс. 43, 24). А также: «Пробудись, Господи, помоги нам и избавь нас имени Твоего ради» (Пс. 43, 27). И еще: «Восстань, Господи, суди землю, ибо Ты наследуешь во всех народах» (Пс. 81, 8). И Иеремия говорит: «Вот, Я положил Тебя в завет роду, во свет народам» (ср. Исайя 42, 6), «Устроить землю и наследовать наследие, говоря заключенным „выходите“ и находящимся во тьме „отопритесь“» (ср. Исайя 49, 8—9). И еще Исайя говорит: «Будет в тот день корень Иессеев, и восстающий владеть народами, — на Него народы уповают, и будет покой Его честь» (Исайя 11, 10).

О корне Иессеевом и о том, Кто есть Восстающий обладать народами, на Кого народы понадеются, многократно было указано ранее, а слова «будет покой Его честь» понимаются тройко. Покоем Сына и Слова Божия можно назвать избранную из всех родов — и тех, что прежде нее, и последующих за ней — дочь Иоакима и Анны, потомицу пророка и царя, Приснодеву Марию, явившуюся одушевленным святилищем и божественным, прекраснейшим жилищем Бога, где Он и прежде зачатия почил, и в момент самого зачатия, когда заимствовал у нее плоть, и после зачатия, или, скорее, в какое бы то ни было, во всякое время. Предсказывая этот покой на ней Божия Слова, Соломон назвал ее «одром» (ср. Песнь песней 3, 7), на котором почил Царь царствующих и Господь господствующих. Честью же для всей твари было, уверовав в рожденного ею Бога-Слово, покончить с бесчестием идолопоклонства и принять легчайшее и благодатнейшее иго проповеди. Можно назвать честью и Его трехдневный покой в аду, в соответствии со словами Исайи, что Он сокрушил медные и железные веревы (ср. Исайя 45, 2) и как победитель воскрес, забрав с Собой всех от века там заключенных.

И вот еще что можно сказать о покое его как о чести, — что после той светлейшей победы и славного воскресения из мертвых Он вознес — заодно со Своей божественной ипостасью — воспринятую от нас плоть и посадил ее рядом с Отцом и Духом, тем самым сделав ее в равной степени божественной и просветлив «неслиянно и нераздельно» божественными свойствами, ни божественность не обратив при этом в человеческую природу, ни человечество в ту, но сообщил плоти славу божественности, оставшись Сам совершенно непричастен и чужд ее страданий. Возведя ее таким образом и посадив, как говорится, на Отческом престоле, Он сделал ее объектом поклонения со стороны всей видимой и умопостигаемой твари — наряду со святой и блаженной Троицей. Так что восседание на царском божественном престоле нашей природы по праву может быть названо покоем, честью и всеобщим поклонением.

Помимо Исайи и Давид говорит: «Встань, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоей» (Пс. 131, 8), — именуя кивотом Божьей святыни Пресвятую воспринявшую ипостась Сына и Слова Богородицу Марию, чьим прообразом в Законе был кивот, содержащий внутри скрижали, сосуд и прочие называемые божествами сокровища. «Встань, Господи, Ты и кивот святыни Твоей» он сказал потому, что и она воскресла после смерти, как и ее Сын и Бог, о чем и сказал здесь божественный Давид.

А случилось это так. После вознесения Господа на небеса божественные апостолы рассеялись повсюду по вселенной, но когда настало время Деве преставиться к вечным обителям, чтобы вечно сопребывать с Сыном и Богом, произошло нечто необыкновенное, все изумительное превосходящее: облака, внезапно их подняв, всех их быстро доставили отовсюду к божественному телу Девы; так им и довелось собраться всем вместе к преподобной Матери Божией, когда ее пресвятая душа легла в Сыновии Божьи руки. Если уж «души праведных, — как сказал Соломон, — в руке Божией» (Премудрость Соломона 3, 1), то более, чем вся надмирная и чувственная тварь, святой и божественной подобало ведь вернуться в руки своего Сына и Бога и успокоиться там особенным образом.

Чтобы ни в коем случае не показалось тебе невозможным то, что облака носили апостолов, как будто сговорившихся, разойдясь из одного места, вновь там собраться, да засвидетельствует тебе своим словом Аввакум, отнесенный по воздуху ангелом к Даниилу. По справедливости, таким образом, Давид говорит: «Встань, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоей», — ибо воскресла и она, чтобы, как где-то сказано, раболепно и по-матерински предстоять своему Сыну и Богу.

Это — об этом; что же касается Господнего божественного воскресения, то, мне кажется, я достаточно показал тебе его ярче солнца сияющим и очевиднейшим, так что нет никакой причины говорить, что ученики похитили Его мертвым, как ранее в разговоре ты сказал. Не нелепо ли и предполагать, что те, кто от страха покинули Его еще живым, не побоялись украсть Его тело у вооруженных воинов — причем не у одного отлучившегося, но у надлежащим образом Его стерегших? Если бы это все-таки пришло им в голову и они сумели бы скрыться, воспользовавшись, как может, пожалуй, кто-нибудь злостно утверждать, сном стражников, как удалось бы им, трепещущим, какими естественно им было тогда быть, и боящимся, поднять и передвинуть тот превеликий камень? А кроме того, не следует представлять стражников настолько небрежными, чтобы они способны были пренебречь службой и покинуть пост, доверенный им приказом как нечто чрезвычайно важное, и это — профессионалы, посвятившие своему делу всю свою жизнь, т. е. свое охранять, а противников побеждать: в этих ведь двух умениях состоит все воинское искусство. К тому же и то величайшее землетрясение надо полагать не случайным, но происшедшим некими божественными судьбами, всякий предлог отнимающим у желающих клеветать на сверхъестественное и странное Господне воскресение. Когда земля тряслась так, что казалось, что она сошла со своего основания, камень же был такой большой, что повернуть его было трудно, разве возможно было, чтобы караульные, которых было не два только или три, и не десяток или в два раза больше, но целый отряд, — ибо сказано «стража была» (ср. Матфей 27, 65—66), — настолько погрузились в сон, что никто из них ничего из происходящего не воспринял? Стоит размыслить, могли ли они настолько пренебречь приказами Пилата и по причине небрежности стать объектом поношений и неизбывного срама со стороны своих товарищей, предав самих себя и тех, кто им доверился, при том, что стеречь гроб нужно было не столько Пилату ведь, сколько убившим Христа бандитам. Поставь тот сам от себя охрану у гроба, они и тогда равным образом, хотя и с большими затруднениями, стали бы клеветать, говоря о беспечности его охранников, но когда они сами почти всю стражу отрядили стеречь Мертвого, разве не свидетельство mnogой их глупости — так по-детски стараться скрыть истину смехотворной ложью? Ибо, придя, говорится, к Пилату, книжники и первосвященники говорили: «Господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: „после трех дней воскресну“». Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его ночью не украли Его и не сказали народу: „воскрес из мертвых“; и будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте как знаете. Они пошли, и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Матфей 27, 63—66).

Итак, смотри: от страха они невольно исповедили добровольность Его страдания и воскресение, полностью поверив предсказавшему, что Он умрет и избежит смерти: поскольку же избегать ее Он не захотел и добровольно подвергся смерти, совершенно ясно было, что на третий день Он воскреснет. Так что, пытаясь, как я сказал, перечеркнуть Его слова, будучи уличены во лжи, они подтвердили сказанное Им: «Никто не берет душу Мою у Меня, но Я власть имею положить и власть имею вновь взять ее» (ср. Иоанн 10, 18).

Он мог, как я сказал, обрушить на них различные беды, о чем и Сам Он сказал: «Я могу умолить Отца Моего и представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов» (Матфей 26, 53), — но не захотел, ибо подбало, чтобы все написанное о Нем сбылось, потому что Спасителю было важно, чтобы все знали о Его добровольном страдании за нас и быстро

и легком воскресении как всемогущего Бога. Потому ведь и произошло это в праздник Пасхи, когда туда собирался народ, чтобы таинство стало всем хорошо известным и во всем мире был проповедан истинный человек и Он же — по причине воскресения — истинный Бог, от Девы Марии родившийся Иисус Христос.

Еще будучи жив и пребывая с учениками, Христос не обещал им ничего из мирских благ, скорее совершенно противоположное, т. е. скорби и искушения, ибо сказал: «Вот, я посылаю вас как ягнят посреди волков» (ср. Лука 10, 3), и предсказывал: «Преданы будете друзьями и родственниками, и ненавидимы будете всеми» (ср. Лука 21, 16—17), и что умрут они за имя Его, а после этого там получат многие блага и вечное небесное царство. И если бы Он не воскрес, то чего ради, какими надеждами вдохновляемые все они стали бы впоследствии претерпевать за Него страдания? Если бы этого не произошло, то подобало бы порицать их как обманувшихся, а Им пренебречь как обманщиком. И о том подумай, что, если бы, как я сказал, Он Себя не воскресил, Он не был бы способен выполнить обещания благ.

Как же дерзнули бы украсть мертвеца те, кто покинул Его живым и после воскресения не поверил очевидцам? Ведь, воскреснув, Он явился сначала не ученикам, но неким другим людям, и те, придя к ним, сказали: «Мы видели Господа» (Иоанн 20, 25). Но они не поверили, что вполне естественно, потому что они не были еще совершенны. После этого Иисус пришел в дом, где они, страшась иудеев, скрывались, и, сказав им «Мир», порицал их жестокосердие, ибо «видевшим Его воскресшего они не поверили» (Марк 16, 14). А они, увидев Его, очень обрадовались и благодаря чуду воскресения понемногу приближались к тому, чтобы веровать написанному о Нем в Писаниях. А иначе, как мы сказали, разве захотели бы претерпеть столькие беды из-за мертвого те, кто, и когда Он был жив, убежали, и попрятались от страха, и в воскресение не поверили? Не так это было; и воины, неся порученную им стражу, делали свое дело точнейшим образом, однако же Он как Бог воскрес и показал тщетность их караульного бодрствования, что и сами они поняли, но сокрыли, получив мзду.

Это как раз то, о чем говорил Иона, пророчествуя во чреве кита: «Хранящие суетное и ложное милость свою оставили» (Иона 2, 9), — имеются в виду стерегшие всуе тело Господне; и понятно, что семьдесятю толковниками используется страдательный залог вместо действительного, — оставили милость свою, которую они получили бы у Христа, сделав известным Его воскресение, не заболей мздоимством.

Видишь, Ксен, как все показывает, что сын плотника Иосифа Христос, вопреки твоему и твоих единомышленников представлению, не был лжецом и обманщиком, не за те преступления, о которых ты раньше сказал, умер, не был мертвым украден учениками, но является Богом и человеком, истинным и в том и в другом, и пострадал добровольно, а пострадав, как Бог воскрес?

Его смерти и воскресению существуют ведь такие ярко сияющие повсюду доказательства: воскреснув, Он явился ученикам порознь, а спустя сорок дней после воскресения явился и некоторым другим людям, взойдя на так называемую Елеонскую гору со Своей святой Матерью и учениками. «Идите, — сказал Он, — по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Марк 16, 15—18). «Вы же оставайтесь

в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше» (Лука 24, 49), и «примете силу, когда сойдет Святой Дух на вас» (Деяния 1, 8).

Он сказал это не потому, что не был Сам способен дать им силу, но чтобы показать, что у Отца, Сына и Святого Духа одна и та же воля и сила.

«И будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав это, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите, глядя на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деяния 1, 8—11), — т. е. на облаках. Они же, поклонившись, ушли в Иерусалим, с радостью ожидая обещанную свыше силу.

Послушай же и то, что сказали о божественном вознесении Христа пророки. Давид говорит: «Господи, пою Тебе в народах, ибо велика превышающая небеса милость Твоя, и достигает небес истина Твоя. Вознесись на небеса, Господи, и по всей земле слава Твоя» (Пс. 107, 4—6), — что и произошло, ибо Он взшел на небеса, а слава Его обошла всю землю, когда все стали поклоняться Ему как Богу. И опять тот же Давид говорит: «Взшел Бог в восклицаниях, Господь в гласе трубном», — указывая тем самым на высоту божественного восхождения и на возможность об этом услышать. И еще: «Поднимите врата, начальники, ваши, и поднимитесь, врата вечные, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? — Господь крепкий и сильный в брани. Поднимите врата, начальники, ваши, и поднимитесь, врата вечные, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? Господь сил, Он — царь славы» (Пс. 23, 7—10).

Так вот, «Поднимите небесные врата», говорят низшие по чину силы высшим; «да войдет Царь славы», — имеется в виду человек, воспринятый Сыном Божиим, для Которого нечто новое и сверхъестественное — прийти с плотью на небеса, поскольку никто из людей никогда не проходил таковыми вратами. Затем, чтобы показать величие и власть Пришедшего, пророк говорит как бы от лица незнающих и вопрошающих херувимов: «Кто сей Царь славы?». На что те, кого вопрошают, отвечают: «Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани». И потому — «поднимите», вечно закрытые «врата, начальники, ваши, и войдет Царь славы».

Желая таким образом показать сверхъестественность и необычность таинства, в котором имеющий бытие от земли Сын Адама и Девы превзошел и сами небесные силы, пророк представляет высших из ангелов недоумевающими и вопрошающими: «Кто сей Царь славы?», — а носящих его отвечающими: «Господь сил, Он — Царь славы». Словами «Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани» он показал только человека, вступившего в бой с дьяволом и решительно его низвергнувшего, ибо низложил Он того как человек, а не как Бог, потому что тогда в этом не было бы ничего нового, ибо какая с Богом брань? А добавив «Господь сил, Он — Царь славы», он сказал и то и другое, ибо Он — Богочеловек-Слово, Господь всех небесных сил.

А Исая об этом сказал так: «Кто Он, пришедший от Едома, в красных ризах из Восора? Он, пригожий в одежде, громко восклицает: Я говорю правду и суд спасения! — Почему у Тебя красные ризы, и одежды Твои как после топтания точила? — Полное истоптанным, точило истоптал Я один, а из народов не было ни мужа со Мною И Я потоптал их в ярости, и растер их, как землю, и выпустил кровь их в землю. Ибо день воздаяния пришел для них, и лето избавления настало. И Я посмотрел, и не было помощника, поразмышлял, и никто не пришел. И избавила их мышца

Моя, и ярость Моя для них настала. И Я попрал их во гневе Моем, и выпустил кровь их в землю» (Исайя 23, 1—6).

Посмотрим же, что он предсказал этими своими словами. Во-первых, чтобы показать величие Восходящего, и он подобно Давиду представляет в своем слове силы небесные беседующими друг с другом, — не потому что они действительно не знают, но чтобы, как я сказал, для нас быть учителем таинства. Затем он говорит о приближении Богом и спасении народов и о катастрофе иудеев. Так, вначале он говорит: «Кто Он, пришедший из Едома?», — т. е. от земли; «в красных ризах из Восора», — «из Восора» он называет полученные плотью во время страданий раны. Слова же «Я говорю правду и суд спасения» сказаны как бы от имени Христа и имеют в виду спасение, данное Евангелием, каковое Он и назвал правдой и судом спасения. А слова «Почему у тебя красные ризы, и одежды Твои как после топтания точила?» указывают на плоть и согласуются со словами патриарха Иакова «Мое в вине одежду Свою и в крови гроздов одеяние Свое» (Бытие 49, 11) и означают, что плоть Его так обагрится кровью от ран, как от сула делаются красными у человека одежды. И слова «точило истоптал Я один, и из народов не было мужа со Мною» — тоже сказаны от лица Христа. Ведь это то же самое, что сказал Давид: «Ждал Я того, кто поскорбит со Мною, и его не было, и утешающего, и не нашел» (Пс. 68, 21), т. е.: «В страданиях и непрерывной череде несчастий никто не утешал Меня, когда все Мои ученики убежали». Сказав же «точило истоптал Я один, и из народов не было мужа со Мной», Он указал на враждебные силы, «на решившийся на Мое убийство народ иудейский, плоть Мою обагривший кровью Моею, словно в точиле, вложив в него кучу гроздий, горькое вино точащих; и ярость змеиную совершенно один, без какой бы то ни было помощи, Я попрал», — совершенно, значит, низложил. Повернув затем речь к немилостивому гневу на иудеев, пророк сказал: «Я попрал их в ярости, и стер их; как землю, и выпустил кровь их в землю. Ибо день воздаяния пришел для них», — говоря этими словами о будущем словно о прошлом.

Конец восьмого слова против иудеев.